

АНДРЕЙ ВОРОНИН

ДАЛЬНОБОЙЩИКИ

Андрей Воронин
Дальнобойщики

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Дальнобойщики / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ», 2014

ISBN 978-985-18-2853-7

В новом крутом бестселлере Андрея Воронина: на одной из загородных дач произошло убийство. Из дома украдено несколько картин, имеющих огромную ценность. Задача сотрудников ФСБ – предотвратить вывоз и продажу бесценных произведений искусств за границу.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-2853-7

© Воронин А. Н., 2014
© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Предисловие	6
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Воронин

Дальнобойщики

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

* * *

Предисловие

Минула полночь.

Город спал.

На улицах царило безмятежное спокойствие. Изредка его нарушал гул проходивших поездов и лай собак, доносившийся с окраин. Однако с каждым часом грохот вагонов казался все тише, а цепные волкодавы и бродячие шавки, устав от многочасового бреха, наконец-то поубавили свой пыл. Теперь эти звуки не только не раздражали, но, наоборот, казались такими родными и милыми сердцу, что даже приезжие, проснувшись и услышав их, снова засыпали со счастливой улыбкой на лице, словно убаюканные колыбельной. Такое невозможно ни с чем спутать. Такое услышишь только в тихой российской глубинке, вдали от глобальных проблем и великих событий.

Вдруг все стихло.

В этой тишине, чужой и непонятной, было что-то жуткое. Казалось, природа замерла в ожидании чего-то необычного и значительного.

Затем на северо-востоке, со стороны ТЭЦ и металлургического завода, появился первый всполох. Потом еще один. Еще... Еще... Вскоре вспышки следовали одна за другой, почти непрерывно, будто кто-то включил гигантскую светомузыку и пытается подобрать нужный ритм.

Где-то жалобно завывала собака. Ей тут же начали вторить другие.

Приближалась гроза. По мере того как медленно, но неотвратно надвигались тучи, стирая с неба звезды, становилось все темнее и темнее. И только желтый месяц, обреченно зависший над горизонтом, да красно-огненные вспышки молний озаряли землю.

Ночной воздух, который еще не успел остыть после долгого жаркого дня, от избытка влаги сделался густым и тягучим, словно патока.

Очередная вспышка молнии, более яркая, чем остальные, на какой-то краткий миг озарила окрестности и крохотный дачный поселок, приютившийся посреди соснового бора в двух километрах от городской черты. В ее свете мелькнули островерхие крыши домов, печные трубы, деревья. Затем все исчезло.

– Ни хрена себе... – озабоченно произнес мужчина, опасливо озираясь по сторонам, потом посмотрел на небо. Края тучи уже подбирались к тонкому серпу месяца, грозя в скором времени накрыть и его. «Эта чертова гроза может все испортить», – подумал он.

– Сейчас пойдет дождь. Не успеем, – с сомнением произнес стоявший рядом, под раскидистой кроной черемухи, высокий, худой человек. Он поднял воротник куртки, сшитой из плотного грубого материала, и, несмотря на то что спина и живот стали липкими от пота, а лоб покрылся испариной, натянул на голову шерстяную маску с прорезями для глаз и рта.

Его спутник проделал то же самое.

– Не переживай, Гвоздь, времени у нас хватит, – заверил он. – В запасе еще минут двадцать. До дождя мы должны попасть в дом, а там, глядишь, и следы смоем.

– Не нравится мне все это, Майкл, честное слово, не по себе что-то. Не пойму отчего, – произнес тот, кого звали Гвоздем. – Эй, Сурок! – хлопнул он по капоту стоявших рядом «Жигулей». – Открой пивка. Попьем на дорожку, а то в горле совсем пересохло.

В машине послышалась возня, затем открылась задняя дверца и появился невысокого роста коренастый парень в военном камуфляже. В руках у него была бутылка пива. Захватив ее ниже горлышка, он снизу надавил большим пальцем правой руки и поднатужился. Уступая давлению крепких натренированных рук, пробка поддалась.

– Дерьмо! – парень замахал от боли рукой и со злостью отшвырнул пробку далеко в кусты. Затем сунул большой палец себе в рот. На языке появился металлический привкус крови. – Вот хреновина! Порезался.

– Дурак ты, Сурок, сила есть, а ума. Взял бы ножом. – жадно хлебнув прохладного пива, произнес длинный.

Майкл – самый старший и, по-видимому, главный в компании – сурово спросил:

– Где пробка? Куда ты ее дел?

– Выбросил.

– Ты что, рехнулся! Я же предупреждал – никаких следов! После нас должно быть чисто.

– Но, Майкл, какого черта! Кто станет лазить по кустам? Разве здесь мало мусора?

– После нас ничего не должно остаться, – упрямо произнес Майкл, но по его голосу было понятно, что с мнением своего приятеля он согласился.

– Проверим, все ли взяли, – через несколько мгновений произнес он. – Гвоздь?

– Все при мне, – похлопал тот по вместительной брезентовой сумке, перекинутой через плечо.

– Сурок?

– Готов.

Парень продемонстрировал массивный длинноствольный автоматический пистолет с лазерным прицелом и глушителем – весьма устрашающее оружие, обладание которым придавало уверенности в своих силах.

– Не звеним? – снова последовал вопрос.

Все запрыгали на месте. Несмотря на солидную экипировку, проделали они это почти бесшумно. Ничего не бряцало и не стучало.

– Порядок, – удовлетворенно произнес мужчина. – Теперь пошли. У нас минут десять – пятнадцать, чтобы попасть в дом до дождя. Если он нас застанет – возвращаемся.

Он перекинул через плечо цилиндрический пластиковый футляр и, трогаясь в путь, бросил парню в камуфляже:

– Надень маску.

Троица скрылась в лесу.

Идти в темноте было сложно: под ногами трещала лесная подстилка, ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду. На дороге встречались глубокие ямы и старые трухлявые пни. Пот заливал глаза, ткань неприятно липла к телу.

Наконец они выбрались из чащи и свернули на узкую тропинку, петлявшую между соснами. По ней они добрались до невысокого деревянного заборчика, местами обветшавшего и прогнившего. За ним простирался просторный огород с большим садом. Вдалеке при вспышках молний вырисовывались контуры двухэтажного деревянного домика, похожего на теремок из сказки. Он и был их конечной целью.

Послышались первые раскаты грома, пока еще тихие и неуверенные, но грозившие в скором будущем перерасти в настоящую канонаду.

Мельком глянув на часы, шедший впереди Майкл облизал соленые от пота губы. Не долго думая, он ухватился руками за верховины жердей и, оттолкнувшись ногами от земли, вмиг перемахнул через ограду.

Приземлившись, он замер. Прислушался. Все было по-прежнему спокойно. Тогда он громко свистнул.

В дальнем углу сада послышался и стал быстро приближаться дружный собачий лай. В следующее мгновение из зарослей смородины выскочили два огромных волкодава. Озаряемые молниями, как чудовища из самой преисподней, они понеслись к Майклу, собираясь разодрать его на куски.

Стоявший за забором Сурок вскинул пистолет. Красная точка заметалась от одной твари к другой, не в силах сделать выбор. Когда псы были метрах в десяти, один за другим слышались два хлопка. Волкодавы, готовившиеся к последнему прыжку, словно натолкнулись на невидимую преграду. На несколько секунд они зависли в воздухе, потом, бездыханные, рухнули на траву.

– Готово! – объявил Сурок, захватски помахивая пистолетом.

Шумно выдохнув, Майкл усилием воли заставил себя разжать пальцы и оторваться от жердей, за которые он вцепился, готовый в любой момент повторить прыжок. Только в другую сторону.

– Чего медлил? – набросился он на стрелявшего. – Я чуть не наложил в штаны!

– Не хотел промахнуться, – беззаботно пояснил парень. – В тире и компьютерном зале я стрелял всего с нескольких шагов. А тут.

У Майкла язык от удивления присох к небу.

– Ты что, раньше никогда не стрелял?

– По консервной банке. Пару раз. Но я умею! Об оружии я знаю все.

В этот момент Майкл готов был удавить своего спутника на месте. Если бы не забор. И этому придурку он доверил свою жизнь!

В животе неприятно заурчало.

Миновав открытое пространство, они подобрались к саду. Очередная молния осветила окрестности: ровные ряды яблонь и груш, тропинку между ними. Она вела прямо к дому.

Вскоре они уже сидели возле узкого подвального окна. Оно являлось единственным местом, где отсутствовала сигнализация. Хозяйева, видимо, посчитали, что крестообразной решетки, закрывающей вход, окажется достаточно. Во всех остальных помещениях к каждому окну и входной двери была подведена хитроумная швейцарская система сигнализации. При малейшем намеке на взлом она срабатывала и поднимала на ноги охранника внутри и двух милиционеров на посту в полукилометре от дома. Отключалась система только изнутри. Если обрезать электрические провода и обесточить ее, наряд милиции прибудет ровно через две минуты. Поэтому единственный способ незаметно проникнуть в дом – это через подвальное окно.

Майкл прислонился к окну и прислушался. Несколько мгновений он сидел неподвижно и затаив дыхание вслушивался в тишину. Но его слух не уловил ни единого звука, ни единого шороха. В доме было тихо.

Удостоверившись в безопасности, он кивнул длинному. Тот извлек из сумки небольшой футляр и портативный резак. Раскрыв футляр, он передал его содержимое своему спутнику.

Майкл сделал знак парню в камуфляжной форме стоять на стреме, а сам принялся за окно. Он ловко закрепил посередине стекла две присоски, с помощью которых длинный мог придерживать стекло, и уверенно провел алмазным стеклорезом вдоль рамы. Легкое нажатие – и стекло аккуратно вынули и положили на траву позади.

Майкл взял в руки резак. Щелкнула зажигалка, и тонкая струя пламени врезалась в сталь решетки. Послышалось шипение. Расплавленные капли металла закапали на дерево. Запахло паленым.

Тучи уже затянули почти все небо. Лишь на юго-западе мерцало несколько одиноких звезд. Громовые раскаты слились в единый сплошной рокот, а молнии, вспыхивающие одна за другой, освещали окрестности, словно днем. Стихия готова была разразиться дождем. Остались считанные мгновения.

Наконец все прутья были перерезаны. Раскаленные концы остывали, постепенно тускнея.

– Сурок!

Майкл отодвинулся, уступая место своему спутнику. Тот ухватился за решетку двумя руками и выгнул ее наружу, освобождая вход.

Когда они спустились в подвал, на землю упали первые капли дождя.

В темноту врезались лучи фонарей, и три человека гуськом двинулись по узкому коридору, проходя мимо множества дверей. Их целью был распределительный щит, где провода сигнализации сходились со всех концов дома.

Согласно схеме, металлический ящик располагался в углу возле лестницы, ведущей на первый этаж.

Подобравшись к нему, длинный грабитель вынул из сумки необходимое оборудование и принялся за работу. Остальные с оружием наготове расположились рядом. Теперь им можно было не торопиться. Охранник, видимо, мирно спал, а до утра времени оставалось предостаточно.

Возиться пришлось недолго. Система, гениальная в свое время, сейчас безбожно устарела. Имея единственное достоинство – ее практически невозможно было отключить снаружи, – она легко блокировалась изнутри. И любой, кто мало-мальски знаком с подобными игрушками, мог без особых проблем это сделать.

Собрав свой инструмент и спрятав его обратно в сумку, длинный присоединился к остальным. Вместе они поднялись по лестнице и, миновав просторную гостиную, направились к двери справа. Войдя в нее, грабители очутились в длинной комнате, напоминающей галерею. На стенах висели картины, на деревянных подставках и постаментах стояли фигуры и бюсты людей. На дальней стене в лучах фонарей поблескивали стальные клинки кинжалов и сабель, сверкали золотые рукояти старинных пистолетов и ружей. Невольно возникало ощущение, что находишься в музее. От обилия сокровищ захватывало дух, разбегались глаза.

Однако любоваться не было времени. Нужно было действовать быстро. Лучи фонарей заметались по стенам от картины к картине, на мгновение задерживаясь на каждой.

Наконец раздался возбужденный шепот:

– Нашел! Вот она!

Майкл быстрым и точным движением полоснул скальпелем по полотну. По галерее разнесся хруст безжалостно уродуемого холста, расстающегося с золоченой рамой, в которой он провисел больше трех столетий.

Еще мгновение – и старинное полотно, свернутое в трубку, лежало внутри пластикового футляра.

Работа была выполнена. Можно было уходить. Но Майкл в нерешительности задержался. Его глаза продолжали жадно ощупывать галерею, выискивая, что бы прихватить еще. Непростительно глупо покидать открытую сокровищницу, взяв лишь какой-то один дрянной портретик! Не долго думая, он вырезал еще одну картину, показавшуюся ему наиболее ценной. Затем еще.

– С ума сошел! – набросился на него длинный. – Пора убираться! Мы свое дело сделали.

– Посмотри вокруг, Гвоздь! – возбужденно зашептал тот. – Мы будем богаты! Очень богаты! Это же настоящий музей! Давай возьмем, сколько сможем унести!

– Давай уйдем, Майкл, – взмолился парень в камуфляже. – Нас убьют, Майкл! Нельзя нарушать заказ.

Но мужчина только отмахнулся.

– К черту заказ! Мы в пещере Али-Бабы! Не будьте кретинами, мужики, не упустите свой шанс. Пока не поздно, нужно хватать удачу за яйца! Ну же!

Он потянулся к следующей картине, но в этот момент дверь комнаты неожиданно распахнулась, и на пороге возник женский силуэт. В пылу спора они в первый момент не расслышали звука приближающихся шагов. В доме, кроме охранника, находились и другие люди.

Три луча панически метнулись в сторону двери. Почти одновременно с этим грянули два выстрела.

С грохотом женщина рухнула на пол.

– Вот черт! Черт!.. Черт!.. – повторяя словно заклинание, парень в камуфляже подбежал к телу. – Мы убили ее! Она мертва. Вот дерьмо! Это же мокруха, мужики! Мы вляпались в мокруху!

Остальные кинулись к нему.

На полу лежала молодая красивая девушка лет двадцати пяти. На бархатистой коже груди, едва прикрытой шелковым пеньюаром, зияли две отвратительные раны. Одна из них была особенно ужасна – огромная, с выпирающими наружу рваными краями. Пули из пистолета с лазерным прицелом имели специальные надпилы на концах и предназначались только для собак. Никто не собирался стрелять в людей. Убийство в планы не входило.

В этот момент откуда-то сверху послышались торопливые шаги. Кто-то спускался.

Зажегся свет, освещая лестницу, гостиную и троих грабителей в масках, склонившихся над женским телом. На лестнице, ведущей на второй этаж, появился мужчина. Сначала показались ноги, обутые в тапочки, затем – туловище, рука, сжимавшая пистолет.

Снова загрохотали выстрелы. Град пуль, выпущенных сразу из трех стволов, буквально изрешетил деревянную лестницу и стену. Посыпалась штукатурка, полетели щепки. Охранник так и не успел рассмотреть своих убийц. Его тело скатилось вниз по лестнице, он был мертв.

– Уходим! – скомандовал Майкл и первым ринулся к выходу, на бегу закрывая футляр и перебрасывая его через плечо.

Остальные последовали за ним.

На улице лил дождь, сверкали молнии. Ветер хлестал в лицо. Струи воды заливали глаза. Ноги скользили и разъезжались на раскисшей земле. Но преступники бежали вперед. Бежали, не разбирая дороги. Бежали туда, где стояла машина. Каждый из них мечтал лишь об одном: поскорее убраться отсюда. Убраться как можно дальше и забыть произошедшее.

В эту ночь они стали убийцами. Первый раз в жизни убили людей. Что-то вышло не так, все пошло наперекосяк. Девушки не должно было быть в доме. Она не должна была там находиться. Не должна.

Садясь в машину, грабители даже не вспомнили о потускневшем от времени портрете, лежавшем в футляре. Никто из них в этот момент еще не знал, что эти два убийства – лишь начало длинной вереницы кровавых событий, которые впредь будут неразлучно сопровождать кусок старого холста во всех его странствиях.

Часть I

Глава 1

Чихнув в последний раз, мотор заглох.

Наступившая тишина ударила по барабанным перепонкам. В ней было что-то непривычное, но в то же время приятное и успокаивающее. Позабытые за последние недели ощущения начали постепенно возвращаться.

Во время долгих поездок, когда жизнь проходит под рокот мотора, он становится ее неотъемлемой частью, такой же необходимой, как солнце, дождь или ветер. Кабина грузовика превращается в твой дом, а напарник становится твоей семьей. Лишившись этого, ощущаешь себя не в своей тарелке, как рыба, выброшенная на берег. Возникает тревога, беспокойство. Потом они проходят, и ты начинаешь, как неопытный младенец, постепенно, одну за другой, пробовать и смаковать прелести нормальной жизни. Вспоминать то, что успел позабыть, привыкать к тому, от чего успел отвыкнуть: к наваристому домашнему борщу, мягкой постели, футболу вечером по телевизору и еще множеству простых вещей, достоинство которых осознаешь в полной мере, лишь на какое-то время лишившись их.

Такова доля дальнобойщиков.

– Вот мы и дома, – с облегчением выдохнул Александр Мельников.

Выведенный из задумчивого состояния, Егор Шувалов непроизвольно вздрогнул и рассеянно посмотрел по сторонам.

– Что? – переспросил он, непонимающе глядя на друга.

– Приехали! Вылазь!

Подавшись вперед, Александр развел свои огромные и крепкие, как корабельные канаты, ручищи в стороны, зевнул и сладко потянулся. На румяном добродушном лице здоровяка заиграла довольная улыбка. Наполовину скрытая под пышными казачьими усами, она придавала лицу хитроватое выражение.

– Пивка бы сейчас. и бабу, – мечтательно произнес он. – А еще лучше – поспать.

Егор усмехнулся. Его одновременно поражал и восхищал неизменный оптимизм друга, неиссякаемая жизненная энергия, способность всегда и везде находить те крохотные крупинки приятного, которые скрашивают нашу серую повседневность. Дар редкий и потому очень ценный. Бог награждает им только добрых и бескорыстных людей. А таких – единицы. Будучи от природы сдержанным и прагматичным, Егор не относил себя к их числу, но от чистого сердца гордился другом. Недостаток подобных качеств в нем самом с лихвой компенсировал Александр. Они превосходно дополняли друг друга – разные, но жизненно необходимые один другому, как полюса магнита. Так повелось еще с Афганистана и длилось уже много лет.

Спрыгнув на землю и захлопнув дверцу кабины, Егор с наслаждением втянул в легкие утренний воздух, чистый и прохладный.

Солнце еще только поднималось над крышами домов. Его настойчивые лучи все дальше и дальше загоняли ночную тьму в глубокие щели, закоулки, подвалы. Лучи скользили по влажной листве, мимоходом играя с капельками росы, отражаясь в них и заставляя весело переливаться всеми цветами радуги. Остывшая за ночь земля начинала отогреваться. На лужайке между деревьями и по берегам речушки, протекающей рядом, клубился редкий туман, но ему оставалось витать совсем не долго. Становилось все теплее.

День начинался.

– Красотища-то какая! – восхищенно произнес Александр. – Сколько мы с тобой ни колесили по стране, а таких мест, как у нас, нигде не видали.

– Своя рубашка всегда к телу ближе, – флегматично заметил Егор, направляясь к калитке. Утренняя красота родной улицы, напоминающей скорее большую деревню, нежели окраину города, в этот момент совсем не трогала. На душе было спокойно.

Сиротливо скрипнула калитка. Дремавший до этого в своей будке пес Пиночет выскочил из нее и, заливаясь яростным лаем, заметался на цепи. Но затем признал хозяина и виновато заскулил, виляя хвостом.

– Что, брат, не узнаешь?

Словно понимая о чем идет речь, дворняга еще сильнее завиляла куцым хвостом, громко взвизгнув, подпрыгнула вверх и умудрилась лизнуть Егора в руку, после чего смиренно присела на задние лапы и, склонив голову набок, принялась ждать реакции хозяина. Блестящие бусинки глаз казались такими же разумными, как у человека.

– Ты смотри, хоть и псина, а все понимает, – усмехнулся Александр. Егор ласково потрепал собаку за ухом.

– Молодец. А где же твой хозяин? Спит, что ли? Ну он и соня. Да?

Оставив пса, они подошли к двери, но, к их глубокому удивлению, она оказалась запертой на ключ.

– Ну и дела! – озадаченно произнес Александр.

«Точно, что-то случилось», – решил Егор, и сердце его учащенно заколотилось в груди. Сколько он помнил, его брат Евгений всегда поднимался очень рано, задолго до восхода солнца.

После смерти жены хлопоты по дому и забота о дочери полностью легли на его плечи. Но он никогда не жаловался, никогда не говорил, что тяжело. Даже умудрялся помогать Егору в гараже. Хотя какая может быть помощь от прикованного к инвалидной коляске человека! Однако психологически это значило очень много. Любая мелочь, пустячная работа, выполненная им и получившая одобрение окружающих, была своеобразным маленьким подвигом, значимость которого могли оценить лишь самые близкие люди. И не дай бог, кто-нибудь выскажет сомнение в его возможностях! Он воспринимал это чрезвычайно болезненно и никогда не успокаивался, пока не доказывал обратное. С нечеловеческим упорством и настойчивостью он изматывал себя тренировками, загружал подчас почти непосильной для здорового мужчины работой, лишь бы никто даже мысли не мог допустить, что он – жалкий инвалид и обуза для брата.

Поэтому Егор был очень озадачен, увидев зашторенные окна и запертую дверь. Подобное могло означать лишь одно – что-то произошло.

Он вынул из кармана свой ключ, вставил в замочную скважину и открыл дверь.

В доме было темно и сыро. В нос ударил тяжелый, спертый воздух. В нем витал запах плесени и гнили. Тусклый свет, пробивавшийся сквозь завешенное шторой окно, едва освещал комнату. Но и его хватало, чтобы рассмотреть царивший здесь беспорядок: дверки шкафа распахнуты настежь, стулья сдвинуты в центр комнаты, обувь, сваленная в кучу, валялась в углу. Создавалось впечатление, будто в спешке искали какие-то вещи.

«Ограбили!» – мелькнула у Егора первая мысль. Внутри у него все похолодело.

– Есть кто дома? – громко крикнул Александр. Так и не дождавшись ответа, он озабоченно посмотрел на друга.

– По-моему, тут никого нет.

– Женька! Надюша! – пройдя в гостиную, позвал Егор, но надежды в его голосе не было.

– Черт! – выругался Александр. – Куда они подевались?

Подойдя к окну, он одним движением раздвинул шторы. В воздух поднялось облако пыли. Пылинки заискрились в солнечных лучах, медленно оседая на мебель и пол.

Перед глазами друзей предстала безрадостная картина запустения. Большинство вещей лежало на своих обычных местах, все вроде было как всегда. Но толстый слой пыли свидетельствовал об обратном.

Егор прошелся по дому.

К его удивлению, в комнате племянницы отсутствовала часть одежды и школьные учебники. В спальне брата все оставалось по-прежнему. Дать этому какое-либо разумное объяснение Егор не мог.

– Егор! – раздался голос Александра. Шувалов вернулся к другу.

– Вот, нашел. – тот протянул ему незапечатанный конверт. – Лежал на журнальном столике.

Едва сдерживая дрожь в руках, Егор торопливо извлек записку и поднес ее к окну. «Жорочка, случилось большое несчастье: у Женьки в пятницу был сердечный приступ. Чуть не помер наш многострадальный. Сейчас врачи говорят, что все обойдется. Мы с Наденькой ходим его проводить каждый день. Она теперь ко мне перебралась. Я за ней присмотрю, не волнуйся, – слотнув подкативший к горлу ком, Егор продолжал читать. – Прости, соколик, старуху, что не сообщила сразу. Не знала, глупая, где тебя искать. Как только приедешь, зайди. Твоя тетка Нина», – закончил чтение он.

В комнате воцарилась тишина.

Рука Егора, державшая записку, бессильно опустилась. Покрытое густой черной щетиной лицо почти на глазах осунулось. Сеть глубоких морщин, выступивших на лбу, состарила его лет на десять, сделав похожим скорее на старика, чем на тридцатипятилетнего мужчину.

– Дела. – произнес Александр.

Он выжидающе смотрел на друга. Его взгляд был полон сочувствия и скорби. Он, как никто другой в целом мире, знал, что значит для Егора старший брат. Это был самый близкий, если не считать племянницы Наденьки, для него человек.

С братьями Шуваловыми Александр Мельников был знаком больше десяти лет и за это долгое время поневоле оказался посвященным во многие семейные тайны, втянутым в сложные взаимоотношения между ними. Егор был обязан брату жизнью и был причиной его страшного ранения и последовавшей за ним ампутации обеих ног. Оставалось лишь догадываться о силе тех чувств, что терзали душу Егора, и о тяжести бремени, что придется нести ему до конца жизни. Груз вины и неоплаченного долга – вот что таилось в самых потаенных уголках сознания Егора и что так упорно он скрывал. Но порой, в редкие минуты откровений, чувства прорывались наружу. И теперь настал как раз такой момент. С болью и трепетом смотрел Александр на лицо друга, на котором, как в зеркале, отражалась та буря чувств, что бушевала внутри. Однако это продолжалось не долго, лишь несколько коротких мгновений, показавшихся им обоим вечностью.

– Эх, Женька-Женька... – сокрушенно покачал головой Егор и тяжело вздохнул. – Я же тебе говорил. – словно ища подтверждения, он посмотрел на Мельникова.

– Оба вы твердолобые и упрямые как ослы, – заявил Александр. Затем, немного помедлив, положил свою тяжелую руку на плечо друга и слегка сжал его. – Ничего, все ведь обошлось. Главное – он жив.

Егор задумчиво посмотрел в окно. Ослепительно яркий диск солнца все выше и выше поднимался над горизонтом, нежно лаская своими лучами и давая силы всему живому. Вчера, сегодня, завтра – каждое утро оно появляется снова, принося с собой новый день, новые надежды.

– Займись грузовиком, – произнес он, обращаясь к Александру. – Я зайду к тетке, узнаю адрес – и в больницу. Хочу поскорее увидеть брата.

– Хорошо.

Мельников понимающе кивнул и, не задавая лишних вопросов, направился к выходу.

Проведя некоторое время в полном одиночестве, Егор пошел к тетке. Она приходилась всего лишь троюродной сестрой его матери, но других родственников у нее не было, поэтому любила она их как родных. А они с благодарностью принимали ее заботу и платили ей тем же.

Через полчаса он уже сидел в такси.

Взвыл мотор, и машина тронулась с места. Обогнав потрепанные «Жигули», лениво тащившиеся у обочины, они вклинились в общий поток транспорта. Толстый водитель переключил передачу и вставил в магнитофон кассету с веселой музыкой. Он только что заступил на смену. Утро выдалось отличное, и ему захотелось поднять настроение своему первому клиенту.

– Смени музыку, командир, – не вытерпел Егор. – И прибавь газу. Я заплачу в два раза больше, если перестанешь тащиться как.

Он хотел сказать «на похоронах», но в последний момент передумал. Ведь еще какую-то малость – и он в самом деле ехал бы сегодня на похороны. От этой мысли сделалось не по себе.

Водитель обернулся и с удивлением взглянул на невеселого пассажира.

– Как скажешь. Хозяин – барин.

Он непонимающе пожал плечами, но спорить не стал. Его дело маленькое – сиди да рули.

Свернув с главной дороги, такси быстро набрало скорость и, не стесняемое светофорами, понеслось вперед.

Егор вытряхнул из пачки сигарету и закурил. Сделав несколько глубоких затяжек, он почувствовал, что начинает успокаиваться. Лицо его сделалось словно восковая маска. Никакие эмоции не отражались на нем. Лишь карие глаза как-то странно блестели, глядя в пустоту. Казалось, они видели нечто такое, что было недоступно другим.

С первых же минут пребывания в больнице обстановка, царившая там, запахи вызвали к жизни воспоминания о госпиталях – не самые приятные моменты в биографии Егора. Но он тут же отогнал эти мысли прочь. Сейчас были более важные дела, чем предаваться воспоминаниям.

Кардиологическое отделение находилось на пятом этаже. А палата номер семь, где лежал Евгений, ютилась в самом дальнем крыле здания, рядом с балконом.

Похожая на бройлерную курицу дежурная медсестра поначалу наотрез отказалась его пропустить к брату, загородив собой весь проход.

– Не положено. Не приемное время, – твердила она, испепеляя Егора недовольным взглядом. – Приходите через два часа.

И никакие просьбы и доводы не могли заставить ее смягчиться. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не появился врач. Участливо выслушав просьбу, он понимающе кивнул.

– Под мою ответственность, – распорядился он, проходя мимо медсестры. Затем, обращаясь к Егору, объяснил: – Состояние у вашего брата тяжелое, но стабильное.

На этот раз опасность миновала, но следующий раз так может не повезти. Сердце у него очень слабое. Волнения и переживания просто недопустимы. Вы меня понимаете?

– Да, доктор.

– Чтобы никаких серьезных разговоров!

– Я понял.

– Отлично. Вот мы и пришли.

Врач проводил Шувалова до дверей палаты и, прощаясь, спросил:

– Скажите, ваш брат потерял ноги в Афганистане?

Егор удивленно взглянул на него.

– Да.

Врач кивнул:

– Я так и думал.

– А в чем дело?

– У меня сын погиб там. Его самолет сбили за несколько месяцев до вывода войск, – произнес доктор. – Берегите брата.

В больничной палате стояли три койки. Две из них были пусты. На третьей, укрытый до пояса простыней, лежал Евгений. Лицо его было мертвенно-бледным, глаза ввалились глубоко в глазницы, и только их блеск свидетельствовал о том, что в этом измученном, истерзанном борьбой со смертью теле еще теплилась жизнь. При виде вошедшего взгляд больного оживился. Его губы тронула слабая улыбка. Он невзначай шевельнул рукой, отчего висевшая рядом капельница зашаталась.

– Лежи. лежи. – засуетился Егор. Он присел на стул и положил свою ладонь на руку брата. – Ну, здравствуй.

– Здравствуй, – еле шевеля губами, ответил Евгений. Егор ощутил слабое пожатие его руки. Вялое и беспомощное, совсем не такое, как прежде.

– Как ты?

– Нормально, – произнес Евгений, пристально глядя на брата. Не выдержав взгляда, Егор отвел глаза в сторону.

– Что ты меня так рассматриваешь?

– Как?

– Как будто сто лет не видел.

В уголке глаза Евгения появилась слезинка и медленно скатилась вниз по шершавой щеке, оставляя за собой блестящий мокрый след.

– А я-то думал, уже не свидимся, – дрогнувшим от волнения голосом прошептал он.

Комок подкатил к горлу Егора. Дыхание сперло, словно от удара под дых. Не выдержав, в порыве он кинулся к брату, смял его в охапку, прижался лицом к его колючей щеке.

– Женька, братан! Что же ты такое вздумал, пугать нас! – хриплым голосом шептал он в ухо брату. – Как же тебе не совестно! О нас ты подумал?! Подумал? – он еще крепче сжал свои объятия. – Дурак ты! Честное слово, дурак.

Некоторое время Егор стоял рядом на коленях, обняв брата и не в силах от него оторваться. «Мужчина не должен проявлять своих слабостей. Даже если чертовски плохо, нужно найти в себе мужество и не распускать соплю», – эти слова брата, сказанные в военном госпитале больше десяти лет назад после ампутации ног, запали в душу. И сейчас он не должен видеть его покрасневшие от напряжения влажные глаза. Ни за что на свете!

– Ну, рассказывай, – вымолвил наконец Евгений.

Егор поднялся с колен и снова присел на стул.

– Что мне рассказывать. У меня все нормально, – пожал плечами он. – Работу выполнили – груз доставили вовремя. Деньги за это нам перечислили все, как и договаривались. – затем, помедлив, добавил: – На обратном пути нам повезло. Нам подкинули груз – целый контейнер китайских мягких игрушек. Так что возвращались не порожняком. Кое-что подзаработали.

– Это хорошо, – вздохнул Евгений. – Деньги нам понадобятся, и очень скоро. Намного раньше, чем мы рассчитывали.

Егор насторожился.

– Что такое?

– Сразу же после вашего отъезда приходили люди Лысого, напомнили про должок. Лысый нас торопит.

– Но почему сейчас?! – возмущенно воскликнул Егор. – Ведь был уговор – через полгода. А прошла только часть срока.

Он нервно заерзал на стуле. Дело было серьезное. Лысый шутить не станет. Нож под ребро – и в реку. Только почему он так торопит? Срочно деньги нужны? Вряд ли. Для него это мелочь, так, деньги на карманные расходы. Тогда что? Решил разорить? Это вполне возможно.

– Вот дерьмо! – в сердцах выругался Егор, но тут же спохватился. – Извини.

- Понимаю.
- Сколько на нас еще висит?
- Около тридцати тысяч зеленых.
- Да-а-а. – вздохнул Егор. – Так не насобираем. Если только продать гараж.
- Нет, – решительно заявил Евгений. – Не торопись, может, что-нибудь придумаем.
- Ладно. Попробую переговорить с Лысым.

Некоторое время они обсуждали возникшую проблему.

Постепенно Евгений оживился. То ли близость брата подействовала на него благотворно, то ли жажда деятельности придала ему сил, но он почувствовал прилив энергии.

Перед уходом Егор пообещал:

– Завтра зайду. Поправляйся. За дочь не волнуйся, мы с теткой Ниной за ней присмотрим.

– Егор, ты Катю видел? – неожиданно спросил Евгений.

– Нет, а что?

– И она не знает, что ты в городе?

– Вряд ли.

– Тогда мой тебе совет: прежде чем к ней ехать, позвони.

– Зачем? – удивился Егор, не понимая, куда клонит брат. Евгений в нерешительности замялся. Было видно, что он собирается с силами, чтобы сообщить что-то важное, и сделать ему это не так-то просто.

– Не тяни резину.

– Понимаешь, есть вещи, говорить которые очень тяжело. Даже мне, – он серьезно посмотрел на замершего в ожидании брата. – Но лучше тебе узнать это от меня, чем от других.

– Ты о чем это? – никак не мог взять в толк Егор. – Говори!

– Я видел Катю с одним парнем. – наконец собравшись с духом, сообщил Евгений.

Егор непонимающе пожал плечами.

– Ну и что? У нее много друзей.

– Друзья не обнимаются и не целуются.

Это был неожиданный удар. Внутри что-то оборвалось. Егор почувствовал, как почва уходит из-под ног. Затем он вдруг ощутил безразличие ко всему. Разумом он понимал, что случилась очень неприятная вещь, что она касается его и только его, что будущее и светлые мечты о семейном счастье разлетелись, как зеркало под ударом камня, но никаких эмоций почему-то не испытывал. Была лишь одна пустота.

Он устал.

Внешнее безразличие поначалу удивило и озадачило Евгения. Однако, немного помолчав, он решил, что, может, это и к лучшему. Дома брат все спокойно обдумает и примет правильное решение.

Глава 2

Двумя глотками осушив стакан водки, Егор подцепил вилкой дольку лимона и отправил ее в рот. «Все, хватит, – решил он, с тоской посмотрев на опустевший графин. – Напиваться не буду. Голова нужна ясная. А то утворю еще что, потом жалеть придется.»

По телу прокатилась приятная волна тепла. Он почувствовал, как расслабляются его мышцы. Напряжение, в котором он находился целый день, начало спадать. «Пшеничная» сделала свое дело, ему стало намного легче. Не зря утверждают врачи, что алкоголь в умеренных дозах – лекарство. Конечно, доза – понятие растяжимое. Для одних достаточно и пятидесяти граммов, для других – пол-литровая бутылка является лишь легким аперитивом. Но Егор знал свои возможности и никогда их не переоценивал. Спиртное же рассматривал только как средство для того, чтобы расслабиться или забыться. Сейчас он расслаблялся, снимал стресс.

Достав из пачки сигарету, Егор прикурил от спички и выпустил изо рта густое облако дыма. Сидевшие за соседним столиком мужчина в годах и женщина недовольно покосились на него, но этим и ограничились. Угрюмая бандитская физиономия незнакомца внушала невольное опасение и страх. Мужчина, здраво оценивший спортивную фигуру Егора, видимо, решил, что лучше не связываться. Тем более что в баре курить не запрещалось.

Время тянулось медленно. Часы, висевшие над стойкой, показывали без четверти девять. Прошло только два часа с того момента, как он пришел сюда.

«Подожду еще полчаса, затем поеду, – решил Егор. – Если она в самом деле шашни крутит за моей спиной – убью! Сука! Дрянь!.. Как она могла?! – неожиданный прилив ярости затопил его сознание. – Как она могла так поступить со мной? Почему?» Дать ответы на эти вопросы он не мог. Попросту не находилось разумного объяснения. Ладно бы разлюбила, ушла к другому. Это, конечно, обидно, но, как говорится, дело житейское. Так нет же, за его спиной, исподтишка, как змея.

– Дрянь. – сквозь зубы процедил Егор.

Было нестерпимо обидно, он любил ее. Любил и доверял. Хотел жениться, строил вместе с ней планы на будущее, мечтал.

Переполненный обидой Егор покинул бар и отправился домой, на квартиру, которую они вместе с Катей снимали и где провели немало счастливых ночей. Теперь это место вызывало лишь отвращение. Кто лежал в его постели, пользовался его вещами? Сегодня он узнает ответ.

Было уже десять вечера, когда он поднялся по лестнице и подошел к двери.

Достав ключ, Егор осторожно, стараясь не производить лишнего шума, открыл дверь и вошел. В прихожей и коридоре было темно, это его не беспокоило. Он прекрасно помнил, где что находится и мог найти любую вещь с закрытыми глазами. Ведь это же была его квартира!

Пахло сигаретным дымом. «А мне в квартире курить не позволяла», – с обидой подумал Егор.

Он тихонько подкрался к приоткрытой двери спальни и прислушался. На фоне звуков спокойной, на восточный мотив, музыки едва-едва улавливались шорохи, тихое постанывание. Были ли они на самом деле или же являлись плодом его возбужденного воображения, он не знал. Но с каждым мгновением они становились все отчетливее и громче. Так ему казалось.

Едва сдерживая желание ворваться внутрь и устроить расправу, Егор стоял, прислонившись к двери, и слушал. «А что если это мне кажется? – засомневался он. – Что если она одна и лежит на кровати, слушает музыку и читает книгу? Что если она ждет меня, скучает, и у нее и в мыслях нет изменять мне? Что тогда? Как по-дурачки буду я выглядеть! Нет. Нужно успокоиться.»

Егор несколько раз глубоко вздохнул. Затем осторожно приоткрыл дверь.

То, что он увидел, заставило его горько пожалеть, что пришел сюда. Ему захотелось провалиться землю, убежать, исчезнуть, но только чтобы ни видеть этого.

Катя! Его маленькая Катенька! Нежная, ласковая, как котенок, страстная, но в то же время по-детски застенчивая. Неужели это она? Нет!.. Нет!.. В это невозможно поверить! Похотливо извивающаяся под своим любовником, кусающая и царапающая в исступлении его спину женщина ничего не имела общего с его маленькой Катенькой. Отрешенный взгляд, искаженное в экстазе лицо принадлежало другой. Чужой!

До боли стиснув зубы, Егор молча наблюдал за происходившей перед ним сценой.

А любовники тем временем продолжали свои игры, с животной страстью отдаваясь друг другу. Их мокрые от пота тела сливались воедино, извивались, изгибались в немыслимых позах, терлись друг о друга. С каждым мгновением накал страстей все усиливался, приближаясь к своему апогею. Стоны сделались такими громкими, что показались Егору криками.

Когда «битва», происходившая на кровати, готова была завершиться, его нервы сдали, и он со всего размаху двинул рукой по двери. Сила удара была огромной, дверь с грохотом распахнулась, стукнувшись ручкой о стену. Стекло треснуло и, расколовшись на несколько частей, съехало на пол.

Перепуганные любовники отпрянули друг от друга и с ужасом уставились на Егора. Катя стыдливо натянула на себя простыню. Ее белокурый партнер, позабыв прикрыть свое возбужденное естество, соскочил с кровати и бросился к одежде.

Одним прыжком Егор подскочил к нему и ударом обутой в тяжелый армейский ботинок ноги в лицо отбросил его назад. Раскинув руки, тот рухнул на спину. Холеное красивое лицо парня залила кровь. Каскад красных брызг оросил белоснежные простыни, грудь и живот девушки.

Оправившись от первоначального потрясения, Катерина исступленно завизжала.

– Заткнись! – рявкнул Егор.

Боязливо съежившись, она прекратила кричать. Губы ее сделались влажными. Крупные слезы катились по щекам. Натянув простыню по самый подбородок, она, словно затравленный зверек, следила за действиями Егора. Весь ужас произошедшего постепенно начал до нее доходить.

– Егор. Егорушка. – взвыла она. – Не надо.

– Успокойся, – Егор бросил ей халат. – Оденься. Потом поговорим.

В этот момент ему стало ясно, что притронуться к этой женщине он больше никогда не сможет, даже чтобы ударить.

– Ты тоже оденься. Смотреть противно, – он ногой пододвинул сваленную в кучу на полу одежду поближе к кровати.

Еще минуту назад, стоя возле двери спальни, Егор думал, что убьет обоих. Но ярость постепенно утихла.

Осталась лишь обида да желание поскорее отсюда убраться. Он увидел достаточно. К чему слова! Они уже ничего не изменят.

– Я не хотел этому верить. В голове не укладывалось, – прохаживаясь по комнате, сокрушенно произнес он. – Никогда не мог бы подумать, что ты на такое способна. Никогда. Я же любил тебя. На все пошел бы ради нашей любви. Ну почему? Объясни мне – почему?

Приблизившись к кровати, он присел на корточки и заглянул Кате в глаза. Их взгляды встретились: тусклый безжизненный взгляд девушки и презрительный взгляд Егора. Она смотрела на него, словно затуманенная.

– Ну скажи, – он схватил ее за плечи и встряхнул. – Скажи мне! Объясни, что тебе еще нужно было?

– Егор. Егорушка. – всхлипывая и глупо улыбаясь, повторяла она.

– Да ответь же!

Его пальцы с силой впились ей в плечо.

– Мне больно.

– А мне как, по-твоему?

– Пусти, мне больно.

Он отпихнул ее от себя, и она повалилась на подушку. Затем поднялась и, растирая плечи, снова села. Слезы уже высохли, но глаза по-прежнему оставались влажными.

– Ты все равно не поймешь.

– Да нет, почему же, попробуй, объясни!

– Давай обойдемся без этого.

Девушка умоляюще посмотрела на него.

Несмотря на переполнявшую его злость, Егор смутился. Он отвернулся и прошелся по комнате. «Нужно уходить, – убеждал он себя. – Уходить, пока не поздно. Ведь, несмотря на все это, я еще ее люблю.» Он замотал головой, отгоняя от себя эту мысль.

– Нет! Я тебя больше не люблю. Ты мне противна, – словно убеждая себя, произнес он вслух.

– Я знаю об этом, – безразлично произнесла девушка. – Нам лучше расстаться. По-хорошему. Так будет лучше.

– Да, лучше. – согласился Егор.

Прохаживаясь по комнате, он заметил на полу пакет, по-видимому выпавший из брюк парня. Подняв и задумчиво подержав его в руке, Егор собирался бросить его владельцу, но тут заметил, как напряглись любовники. Их глаза хищно заблестели. Они неотрывно смотрели на пакет.

– Что здесь такое?

Он развязал узел и заглянул внутрь. Там находились мелкие сухие листочки, тщательно перетертые. Присмотревшись повнимательнее, он присвистнул от удивления. Внутри пакета была конопля. Ее он мог безошибочно отличить от сотен других растений. Насмотрелся в Афганистане на знаменитую травку удовольствий. Запомнил ее на всю жизнь. Не думал, что придется в руках держать ее снова. И где?! У себя дома!

– Не тронь, это мое! – по-звериному оскалившись, дернулся парень. Он вот-вот готов был наброситься на Егора.

– Не вздумай, – предупредил его Шувалов и благоразумно отступил на шаг назад.

– Ты что, к наркотикам пристрастилась? – обойдя вокруг кровати, он приблизился к девушке. – Ты пробовала это дерьмо? Пробовала? – Егор ткнул пакет ей под нос. – Чего молчишь? Пробовала?

– А хоть бы и так! – взвизгнула она и истерично захохотала. – Разве тебе не все равно? – безумные огоньки заплясали в ее глазах. – Если честно, мне плевать на тебя и на то, что ты обо мне думаешь! Мне вообще на всех плевать! – зашипела она, подавшись вперед.

Растрепанные черные волосы падали ей на лицо, прилипали к губам и щекам. Широко раскрытые, покрасневшие от слез глаза смотрели на него с неопишуемой злобой. Казалось, она вот-вот бросится на Егора.

– Да ты попросту обкурилась! – догадался он.

– Иди к черту! Проваливай отсюда! Уходи! Я не хочу тебя больше видеть.

С грустью посмотрев на шипевшее на кровати существо, он вздохнул:

– Хорошо. Я уйду. Поговорим позже.

– Нет! Не хочу больше с тобой разговаривать. Видеть тебя не хочу. Никогда! Никогда. Никогда. – голос ее становился все слабее и слабее, пока не превратился в беззвучный шепот.

Она замолчала. Истерика прекратилась так же внезапно, как и началась. Взгляд ее стал серьезным и осмысленным. Неожиданно глаза ее снова заблестели, и из них градом хлынули слезы.

– Уходи. Прощу тебя, уходи. – взмолилась она. – Оставь меня. Пожалуйста!

Катерина отвернулась и уткнулась лицом в подушку. Ее хрупкие плечи содрогались от рыданий.

Молча кивнув, Егор сунул мешочек с травкой себе в карман и направился к двери.

– Пакет отдай! – раздался за спиной голос. Егор остановился и обернулся.

– Знаешь, я терпеть не могу наркоманов. А еще больше тех, кто разносит эту заразу, – с расстановкой произнес он. – Я бы заставлял жрать их то, что они продают, пока это дерьмо не попрет изо всех дырок! Ты меня понял?

Парализованный суровым взглядом, как бы подтверждающим, что так оно и будет, парень утвердительно кивнул головой.

– Да, и вот еще что, – подумав, произнес Егор. – Я буду бить тебе морду всякий раз, когда тебя увижу, где бы это ни произошло. Это не из-за того, что ты трахнул мою девушку, и не потому, что ты вонючий наркоман. Я буду бить тебе морду просто так. Ты мне не нравишься.

Егор вышел.

В этом доме ему делать было больше нечего. Теперь все стало предельно ясным. Катерина спуталась с этим наркоманом, а он пристрастил ее к наркотикам. Знакомая до боли картина: сначала – травка, потом – постель. Или, может быть, все произошло наоборот: сначала – постель, а потом для остроты ощущений – несколько затяжек. Но какая, собственно, разница! Так произошло или иначе – это уже не имело никакого значения. Все кончено. Измену Егор оправдывать не мог, да и не хотел.

Глава 3

Полковник Воронин флегматично посмотрел на наручные часы и, подавив желание размять затекшие суставы, поудобнее устроился на жестком стуле с высокой спинкой. Многолетний опыт ожиданий в приемных заставил его усвоить одну простую истину: никогда не проявляй эмоций. Надоело – терпи, душно – терпи, опаздываешь – терпи, затекла спина и сводит ноги – терпи. Только не выказывай недовольства. Сцепи зубы и попытайся изобразить нечто похожее на улыбку. Это будет маленькой победой над пренебрежительным отношением к тебе. Ведь чем выше по рангу чиновник, тем дольше ждешь. Если у своего прямого начальника можешь просидеть пятнадцать – двадцать минут, у начальника твоего начальника – час и дольше, то в министерстве ожидание займет целый день.

В этом отношении сегодня Воронину не повезло. Он находился в приемной уже почти целый час. И хотя мог бы, как бывало раньше, войти в кабинет без приглашения, на этот раз терпеливо ждал своей очереди. У его начальника – генерал-майора Федеральной службы безопасности Семена Федоровича Круглова находился посетитель. Полковник наверняка не знал, кто в кабинете: суровая и неразговорчивая секретарша, прозванная за свой характер «железной леди», как всегда, была непроницаема и молчалива. Однако интуиция ему подсказывала, что разговор ведется там важный.

В который уже раз Воронин обвел взглядом обитую красным деревом приемную, ровные ряды стульев с высокими спинками – остатки старинного гарнитура, сделанного в середине прошлого века. Ходили слухи, что раньше эта мебель находилась в Кремле, возможно даже в приемной самого Берии, и тысячи обреченных, сидя на этих стульях, томились в ожидании решения своей судьбы. Будучи наслышан о пристрастии Круглова к подобного рода вещам, Воронин охотно верил этим слухам, тем более что историю висевшей в приемной картины – портрета Феликса Дзержинского – он знал очень хорошо. Более полувека она красовалась на самом видном месте в кабинете главы КГБ. Затем, после перемен, перекочевала к генералу Круглову. Совсем не потому, что Семен Федорович являлся отпетым коммунистом, а по причине того, что он считал: историю, какой бы она ни была, нужно уважать.

Размышляя о прошлом окружавших его вещей и о превратностях судьбы, Воронин незаметно переключился на себя. Мысли, как всегда, приходили на ум не самые приятные. Ему уже сорок два года, а он все еще один, без семьи, без детей. И если в плане карьеры маячила реальная перспектива получить очередное звание и занять генеральское кресло, когда Круглов получит повышение, то в личной жизни ему грозила старость в полном одиночестве. С каждым годом боязнь этого, таившаяся где-то глубоко внутри, становилась все острее. Он загружал себя работой, оставлял время только на сон и еду, но и это не помогало. Когда выдавалась свободная минута, мысли о грядущем одиночестве неизменно возвращались. Так было и сейчас.

Прошло еще десять минут.

Услышав тихий скрип отворяемой двери, полковник Воронин встрепенулся. Из кабинета вышел невысокого роста сутулый старик. Редкие седые волосы были аккуратно зачесаны назад. Испещренное глубокими морщинами лицо выражало глубокую боль и печаль. Одет он был подчеркнуто элегантно: идеально подогнанный без единой лишней морщинки костюм, белоснежная рубашка, строгий галстук. Ничего лишнего. Все безупречно. От него за версту веяло ощущением собственного достоинства и превосходством над другими.

Чувствовалась старая закалка. Воронин на дух не переносил подобных людей. К несчастью, в начале своей карьеры ему довелось вплотную с ними столкнуться, и неприятный осадок сохранился на всю жизнь. Такие, как этот, принадлежали к самой верхушке, к элите, жившей в своем собственном мире, по своим правилам. Все остальные люди для них не существовали. Их называли просто – народ. Безликий безропотный народ.

Или попросту – толпа. А они ей управляли, как пастухи стадом глупых баранов.

Проходя мимо, старик смерил Воронина долгим изучающим взглядом. Это был взгляд человека, привыкшего к беспрекословному повиновению, но в то же время глубоко несчастного. Полковнику стало по-человечески жаль его. Как вымирающий реликт, старик олицетворял собой минувший век, минувшую эпоху.

«Кто он? И что означает его появление у генерала?» – подумал Воронин.

Старик ушел.

– Проходите, Семен Федорович ждет вас, – раздался лишенный всяческих эмоций голос секретарши.

Полковник поднялся со стула и направился к двери в кабинет. Ожидание окончилось.

Генерал Круглов стоял посреди своего просторного кабинета, вся обстановка которого, включая пепельницу и пресс-папье на столе, была строго выдержана в кремлевском стиле тридцатых – сороковых годов. А сам начальник специального отдела ФСБ внешностью напоминал партийного чиновника времен Брежнева: простой строгий костюм-тройка, короткая стрижка, грубоватые, но честные черты лица. Во всем этом не было даже намека на то, чем на самом деле занимался Круглов.

– Здравствуйте, господин генерал. Вызывали? – остановившись у порога, спросил полковник.

Еще сидя в приемной, он понял, что разговор предстоит серьезный, поэтому старался держаться официально, как подчиненный с начальником. Ни малейшего намека на личные отношения.

– Здравствуй, Алексей Петрович, – генерал дружески улыбнулся и, подойдя поближе, протянул руку. – Извини, что заставил столько ждать. Тут такое дело.

Он обнял Воронина рукой за плечи и повел к завешенному красными шторами окну. Там стояли два стула – намного удобнее и изящнее, чем в приемной, но такие же старые.

– Садись, – кивнул Круглов.

Он подошел к столу и через несколько секунд вернулся с громоздкой бронзовой пепельницей в форме перевернутой вверх ногами черепахи.

Взглянув на нее, Воронин отметил, что к полудню генерал выкурил уже восемь сигарет – на три больше его дневной нормы. В пепельнице находилось еще несколько окурков. Судя по маркам сигарет, они принадлежали трем совершенно разным людям. Самые верхние, с серым фильтром – скорее всего старику. Два окурка без фильтра со специфическим оттиском зубов оставил не кто иной, как подполковник Свиридов, возглавляющий экспертный отдел. Принадлежность остальных окурков установить не удалось.

– Закурим? – предложил Круглов, протягивая пачку сигарет.

– Спасибо. У меня лимит.

– Вот как! – генерал вопросительно поднял брови.

– Бросаю курить. Каждые два дня на одну сигарету меньше.

– Получается?

– Тяжело.

Генерал понимающе кивнул. Для того чтобы бросить курить, нужна сила воли, такая, как у Алексея Воронина. А вот ему самому, наверное, это не под силу.

Повертев сигарету в пальцах, он со вздохом сунул ее в рот и закурил. Сделав несколько глубоких затяжек, он спросил:

– Видел старика, что вышел отсюда?

– Да.

– Что ты о нем думаешь?

Воронин пожал плечами.

– Кто-то из бывших.

Генерал одобрительно кивнул.

– Верно. Этот старик – генерал Ткаченко. Слышал о таком?

– Слышал. Я считал, что он давно умер. Сколько ему?

– Где-то за восемьдесят пять, и, как видишь, он еще довольно крепкий и бодрый, – произнес Круглов. – В свое время генерал-полковник Василий Иосифович Ткаченко курировал спецслужбы, в том числе и КГБ. Фигура очень значительная. Даже сейчас, спустя столько лет, к его голосу прислушиваются. Он еще очень многое может.

Генерал сделал паузу. А Воронин терпеливо ждал продолжения. Предисловие, конечно, очень интересное, но основная часть разговора, ради которого его вызвали в срочном порядке, еще не прозвучала.

– А какое, собственно говоря, отношение к генералу Ткаченко имею я? – задал вопрос он.

Озабоченно сдвинув брови, Круглов долго вглядывался в каждую черту лица подчиненного, пытливо изучая, словно увидел впервые, упрямый взгляд из-под густых русских бровей, тяжелый подбородок, немного выдающиеся на восточный манер скулы.

– Хорошо. – наконец он решился.

Поднявшись со стула, генерал подошел к письменному столу и вынул из ящика зеленую пластиковую папку, туго набитую бумагами.

– Прежде всего я хочу предупредить: дело, которое я собираюсь тебе поручить, очень серьезное. От его исхода зависит многое. Наше повышение в том числе. Согласись, генеральские погоны тебе подошли бы намного больше. Ты их заслужил. Я уже не говорю о том, что в случае удачного исхода твое имя окажется у всех на слуху, о тебе узнают наверху, – увидев, что полковник хочет возразить, генерал знаком руки остановил его. – Знаю. Знаю. Ты хочешь сказать, что тебя политика не интересует. Но поверь мне, человеку, который на этом съел зубы, вся наша жизнь – сплошная политика. Когда-нибудь это может тебе очень пригодиться. Так что сперва хорошенько подумай, а потом решай. В общем, я хочу сказать, это – твой шанс.

Воронин с сомнением покачал головой.

– И Ткаченко в состоянии это исполнить?

– У него осталось много друзей. А должников еще больше.

По тому, как суетливо забегали глаза генерала, Воронин понял, что к числу ткаченковских должников принадлежал и его шеф. Теперь все понятно: долг платежом красен.

– Что за дело?

Круглов протянул папку и пояснил:

– Здесь содержится все, что успели собрать до твоего прихода. Более подробную информацию получишь по ходу дела. В твоём распоряжении будут все доступные средства. Под мою ответственность, – заверил генерал. – А теперь о самом главном. Три дня назад ограбили дачу Ткаченко. Украли три картины, довольно ценные, но не слишком. Грабителей спугнули, и они не успели взять ничего из дорогих коллекций, находившихся в доме. Прихватили только картины. В общем, и шум-то поднимать не из-за чего. Однако самое неприятное в том, что воры застрелили внучку Ткаченко, приехавшую отдохнуть к деду, и охранника.

– Да-а-а. – протянул Воронин. – Дела.

– Вот почему старый генерал поднял всех на ноги. Хочет найти убийц внучки. Картины ему, видимо, нужны постольку-поскольку, а вот внучка. Решил отомстить.

– Сколько ей было лет?

– Двадцать четыре. Настоящая красавица. Была.

– А где ее родители?

– Погибли давным-давно. Ее вырастил и воспитал дед.

«Естественно, по глупости потерять самое дорогое, что у тебя было – тяжкий удар», – подумал Воронин.

– Она работала?

– Нет, она находилась в декретном отпуске.

– У нее были дети?

– Двое. Мальчик – три года, а девочке не исполнилось и одного.

– Они выжили?

– Да, они спали на втором этаже. Грабители не стали подниматься наверх, – пояснил Круглов. – Дурацкое стечение обстоятельств. Если бы девушка их не спугнула, они спокойно обчистили бы дачу и скрылись.

– И тогда Ткаченко не стал бы поднимать весь этот шум из-за каких-то там безделушек, – закончил Воронин.

Генерал кивнул.

– Я думаю, да. Если верить словам, для него они лишь память. Тем более что там не было ничего ценного, только сувениры из прошлой жизни. – Кивком он указал на папку. – Там подробное описание украденных картин, фотографии, заключения экспертов. Самая ценная из них – репродукция полотна Хальбейна, сделанная в пятидесятых годах двадцатого века. Остальные – отечественные картины тридцатых годов. Ничего ценного.

– Значит, хватали первое попавшееся?

– Похоже на то.

– Что ж, выходит, что версия о заказном ограблении отпадает.

– Да, было бы глупо это предполагать.

– А если это заказное убийство? Возможно, все тщательно спланировано и подстроено? – выдвинул очередную версию Воронин. – Заказные нынче в моде.

Однако генерал ее решительно отверг.

– Вряд ли. Во-первых, Людмила Ткаченко в тот вечер не должна была там находиться. Ее появление – чистая случайность. Во-вторых, она домохозяйка, никакой подозрительной деятельностью не занималась.

– А ее муж?

– В настоящий момент находится за границей.

– Чем он занимается?

– Он дипломат.

Получалось, что и эта версия отпадала. Воронин задумался. Слишком много непонятного и практически не за что зацепиться. Утешало одно – убийство не заказное. В противном случае дело грозило обернуться очередным «глухарем». Если при ограблении у воров что-то пошло не так, значит, можно рассчитывать на зацепку.

– Что-нибудь нашли? Улики? Сколько человек работало? – поинтересовался Воронин.

– Как минимум, трое. Возможно, на улице находился кто-нибудь еще. Улик никаких. В тот вечер шел дождь, он смыл все следы на улице.

– А отпечатки обуви, если был дождь, то.

– Дождь начался позже, когда они уже были внутри. Единственная зацепка – это гильзы и пули.

– Ясно. Придется начинать все с нуля, – заключил Воронин. – Мне нужен будет доступ на дачу. Ее обследовали?

– Да.

– Кто?

– Местные оперы.

– Это меня не устраивает. Мне нужны наши спецы. Все по полной программе. И чтобы никто не мешал.

– Ткаченко сказал, что дача в нашем распоряжении. Там будет находиться его доверенный человек, он расскажет, что к чему. Через него будешь держать генерала в курсе.

– Соглядатай, значит. – усмехнулся Воронин.

- Не соглядатай, а помощник, – нахмурился Круглов.
- Это ничего не меняет. А как насчет времени?
- Тут, сам понимаешь, чем быстрее, тем лучше. Если не пойти по горячим следам, можно увязнуть надолго.
- Не хочу, чтобы на меня давили, – предупредил Воронин.
- Знаю. Знаю. Никто на тебя давить не станет. По крайней мере, первое время. А потом. – Круглов развел руками. – Сам видишь, старик из кожи готов вылезти, но достать убийц внучки.
- Мне нужны твердые гарантии.
- В этом деле единственной гарантией может служить твой успех. Больше ничего. Сделай это, и старик будет твоим должником до гробовой доски. Все в твоих руках. Действуй.
- «Легко сказать: действуй! – озабоченно думал Воронин, покидая кабинет генерала. – Сожрут с потрохами, если оплошаю. Генеральская внучка! Хм. Сколько шума, сколько суеты! Каждый день сотнями убивают, и никаких спецзаданий. Небось про бедного охранника все позабыли. А у него, наверное, тоже семья, дети, жена плачет.»

Глава 4

В грязном, заваленном мусором и всяким хламом подвале царил полумрак. Тусклый желтый свет, падавший от висевшей на потолке грязной лампочки, с трудом освещал тесное пространство между ящиками и коробками. В противоположной от лестницы стороне, шагах в десяти от нее, проходил ряд железобетонных свай, подпиравших плиты перекрытий. Они являлись границей между царством света и тьмы. Пространство за ними было полностью скрыто во мраке. Оттуда доносилось лишь журчание воды да периодический рев труб.

Щелкнув золотой зажигалкой, Станислав Шилов, больше известный в своем кругу как Шило, неторопливо прикурил длинную тонкую сигару. Густой дым, аромат которого суждено вкусить далеко не каждому, наполнил помещение. С преувеличенным наслаждением смакуя сигару, Шилов блаженно закатил глаза.

– У нас такого не делают, – вздохнул он и затем, обращаясь к сидевшему перед ним на стуле связанному парню, с сожалением произнес: – Я вовсе не хочу тебя убивать. И дружков твоих не хочу. Вы крутые мужики, и вы мне нравитесь. У вас есть деловая хватка, нюх на деньги. Это хорошо, – кивнул он. – Желание заработать – здоровый интерес. Не каждый день выпадает такой шанс. Правда?

Связанный по рукам и ногам парень широко раскрытыми от ужаса глазами смотрел на Шилова. По его бледному лицу струился холодный пот. Стекая по длинным прядям слипшихся на лбу волос, он попадал в глаза, отчего те слезились и чесались. Однако парень боялся даже пошевелиться. Шило был настоящим психопатом.

– Вся проблема оказалась во мне, – продолжал Шилов. Его тонкие губы изогнулись в ухмылке. В этот момент он стал походить на изготовившуюся к смертельному броску кобру. От напряжения длинный неровный шрам, тянувшийся через всю левую половину лица бандита от виска до подбородка, налился кровью и побагровел. – На другом вы, может быть, и заработали. Может, кто-то бы и заплатил. Но не я! Стае Шило платить не будет! Это мне платят! Никогда и ни за что я не пойду на поводу у таких ничтожеств. Да ты и твои дружки, вы – гниды, ничтожные мелкие паразиты. Я на вас ногой наступлю – мокрого места не останется. Хотели меня кинуть? Кинуть! Меня?!

Шилов Склонился над парнем и, брызгая слюной, заорал ему прямо в лицо:

– Шавка подзаборная! На кого пасть раскрыл?! Дерьмо свое жрать будешь! Ботинки мне лизать! Просить меня, умолять, чтобы пристрелил, будешь! О смерти молить станешь! Клянись!

Пальто сползло с костлявых плеч авторитета, черные как смоль длинные волосы, уложенные назад гелем, растрепались. Казалось – еще мгновение, и он набросится на несчастного и разорвет его голыми руками.

Безучастно стоявший до этого в стороне ближайший помощник и правая рука Шилова головорез по прозвищу Гарик решил вмешаться. Сделав знак телохранителю поднять упавшее пальто, он тихо, как тень, приблизился к боссу. Осторожно положил свою пухлую ладонь ему на плечо и легонько встряхнул.

– Остынь, Шило.

Шилов резко обернулся и перехватил за запястье тронувшую его руку. Его дыхание было тяжелым, ноздри широко раздувались, как после быстрого бега. Злые затуманенные глаза непонимающе смотрели на Гарика. Но ни один мускул не дрогнул на лице помощника. Оно оставалось совершенно бесстрастным, лишеным всяких эмоций. Казалось, разъяренный взгляд несколько не тронул его. Такое поведение произвело эффект, подобный ведру холодной воды, вылитой на голову. Шилов стал успокаиваться. Он непонимающе посмотрел по сторонам: на

своего телохранителя, безразлично взиравшего на все со стороны, на парня, привязанного к стулу, на второго пленника, съездившегося в углу. Затем снова повернул голову к помощнику.

– Все нормально?

– Да, – кивнул авторитет.

– Моя рука. – движением глаз Гарик указал на запястье.

– Прости, Гарик. Прости. – он дружески улыбнулся. Теперь ничто в нем, за исключением налившегося кровью шрама, не напоминало о недавно перенесенном припадке ярости. Приводя себя в порядок, Шилов пригладил рукой волосы. Затем забрал у телохранителя пальто и, накинув его на плечи, сел в стороне на перевернутую вверх дном пустую коробку.

– Ну что, будешь говорить, где картина? – обратился он к пленнику.

Тот устало замотал головой.

– Сколько раз повторять: я не знаю, где она. Да если бы и знал, не сказал бы. Ты все равно нас прикончишь, – еле шевеля пересохшими губами, произнес он.

– Верно, вы – покойники. Но сначала ты мне скажешь, где моя картина!

– Она не твоя.

– А чья? – Шилов изобразил изумление. – Может, твоя? Или того старого мудака, что полвека прятал ее дома? А может, она принадлежит народу?

Стоявший позади авторитета телохранитель громко хихикнул, довольный юмором босса.

Шилов обернулся и кинул на громилу раздраженный взгляд, смысл которого можно было расшифровать следующим образом: «Кто тебе разрешал открывать рот, придурок!».

Телохранитель осекся, виновато засопел и снова напустил на себя грозный вид.

– Гарик, начинай. – кивнул Шилов помощнику. Все с тем же невозмутимым спокойствием тот поставил рядом со стулом, к которому был привязан пленник, картонную коробку, накинул на нее салфетку. Затем открыл саквояж из потертой коричневой кожи и принялся извлекать из него всевозможный инструмент: кусачки, ножи разных размеров, пилки, иглы и прочие вещи, при виде которых по спине невольно начинают бегать мурашки.

Покончив с приготовлениями, Гарик по-хозяйски осмотрел свое имущество, натянул на руки резиновые хирургические перчатки и объявил:

– Я готов.

– Последний раз спрашиваю, где картина? – обратился Шилов к парню. – Молчишь? Черт с тобой!

Только я тебя предупреждаю: если он дорвется – будет поздно, – он кивком указал на Гарика.

Пленник продолжал упорно хранить молчание.

– Что ж. Теперь он твой, Гарик. Только, пожалуйста, помни: он не должен сдохнуть быстро.

– Не первый раз. – флегматично произнес Гарик голосом, от которого кровь стыла в жилах.

Взяв тонкий нейлоновый шнур, он старательно привязал руки парня к подлокотникам, а голову при помощи петли – к спинке стула. Теперь несчастный мог шевелить только ногами. Но и это продолжалось недолго. Увесистый молоток, появившийся в руке бандита, описал короткую дугу и со всего размаху угодил острой частью в правое колено парня.

– А-а-а. – от адской боли и неожиданности завопил тот. – Су-у-ки.

Его душераздирающий крик разнесся по подвалу, эхом отозвавшись в дальнем, скрытом во мраке конце помещения. Не успело оно стихнуть, как вопль, на этот раз с новой силой, повторился: молоток палача опустился на коленную чашечку другой ноги. Теперь удар был намного мощнее. Кость хрустнула.

Пленник потерял сознание.

Пока Гарик приводил его в чувства, Шилов повернулся к другому парню.

– Смотри. смотри. Ты следующий, – предупредил он. – А может, спасешь друга и себя заодно? Ну?! Скажи, где картина?

Несмотря на царившее в душе смятение и панику, парнишка в разодранном, окровавленном камуфляже нашел в себе силы и замотал головой. Он был еще очень молод, и ему совсем не хотелось умирать, хотя он знал, что игры с таким авторитетом, как Шило, добром не кончаются.

– Героя из себя корчишь, – процедил Шилов. – Дурак! Отдай мне картину, и я забуду, что вы хотели меня кинуть, забуду про шантаж. Мало того, заплачу бабки, как договаривались, и разбежимся. Забудем про это недоразумение. Я же вас понимаю. Ну что, по рукам?

Однако, несмотря на приятельский тон, глаза авторитета по-прежнему оставались позмеиному холодными. Они выдавали обман. Парень понял это и продолжал хранить молчание.

Тем временем первый пленник пришел в себя. Тихо постанывая, он приоткрыл глаза. Вновь вернувшееся сознание возвратило его в мир боли и страха. Палач готов был к продолжению пытки. На этот раз в руках он держал плоскогубцы. Когда парень увидел их, ему снова сделалось дурно. Но отключиться ему не позволили: ледяная вода, выплеснутая в лицо, быстро привела его в чувства.

Неторопливо примерившись, Гарик ухватил плоскогубцами ноготь на мизинце правой руки пленника.

– Сейчас будет немного больно.

В следующую секунду тишину разорвал очередной вопль. Парень судорожно задержался, словно сквозь его тело пропустили электрический ток.

– Это первый, – Гарик поднес к его носу окровавленный ноготь, с которого свисали куски кожи и мышц. – Осталось девять. Мне продолжать?

– Нет! Хватит! Не надо.

– Где картина?

– Не знаю.

– Врешь, собака!

– Клянусь, не знаю.

Не успел он произнести эти слова, как его истерзанное тело вновь пронзила боль.

– Это второй, – вел счет Гарик. – Осталось восемь.

Вновь и вновь звучали одни и те же вопросы, вновь и вновь раздавались одни и те же ответы. Так продолжалось до тех пор, пока у пленника не осталось ногтей. Когда был вырван последний ноготь, он даже не вскрикнул, лишь слабо застонал. Боль притупилась, стала привычной.

– А ты живучий, – осклабился Шилов. – Но мне спешить некуда, времени у меня много.

Вытерев окровавленные руки куском тряпки, Гарик бережно положил плоскогубцы на прежнее место. Немного подумав, он взял приспособление с винтовым зажимом и толстой стальной струной в форме петли. Проверив крепления, подошел к жертве сзади и накинул петлю на лоб, так, чтобы винт находился на затылке.

– Теперь тебе будет по-настоящему больно, – предупредил Гарик.

Он медленно стал подкручивать винт. Петля затягивалась, струна все глубже и глубже врезалась в кожу. Через минуту появились первые капельки крови. Они потекли по лицу и закапали на мокрую от пота белоснежную рубашку. Еще через минуту кровь хлестала ручьем, заливая глаза, попадая в рот.

– Отдай картину, и он остановится, – подавшись вперед, зашептал Шилов. – Скажи только где, и все закончится. Ну!.. Ты же еще молодой, тебе и тридцати нет. Зачем так рано умирать?!

– У меня ее нет.

– У кого она?

– Я не знаю.

– Врешь! Имя?

– Не помню.

– Гарик, продолжай! – рявкнул Шилов, у него снова начинался припадок ярости. – Скоро твой череп хрустнет, как грецкий орех, мозги брызнут на пол, а я буду по ним ходить. Ты сдохнешь, как крыса, в подвале. И всем будет насрать на тебя. Никто никогда не придет к тебе на могилу. И все потому, что ты козел! Где картина? Имя?!

Его уродливый шрам снова налился кровью, придав и без того жестокому лицу зверское выражение.

– А-а-а. – застонал парень.

Боль сделалась невыносимой. Голова готова была вот-вот расколоться.

– Я. Я хочу сказать. – едва слышно прошептал он.

– Что?! – Шилов вскочил со стула. – Гарик, стой! Он подошел ближе, чтобы лучше разобрать слова. – Ну! Говори!

– Я хочу сказать. Я хочу тебе сказать, что ты можешь поцеловать меня в жопу. Ни хрена от меня ты не узнаешь, – прохрипел пленник. – Ты скорее свою покойную мамочку трахнешь, чем узнаешь от меня, где картина.

Собрав остатки сил, он кровью плюнул в изумленное лицо авторитета.

– На!.. Подавись моей кровью.

Гарик, телохранитель и даже второй пленник замерли от неожиданности. Затаив дыхание, они с ужасом смотрели, как побледнело лицо Шилова. Он стер рукой кровавую слюну и обвел всех присутствующих безумным взглядом.

– Падла!.. – заскрежетал он зубами.

Схватив лежавшую среди инструмента стамеску, он накинулся на парня, с остервенением нанося яростные удары в область сердца, в живот, грудь. Это произошло в сотые доли секунды. Никто не успел даже пошевелиться.

Руки и дорогой костюм авторитета были залиты кровью, но он не замечал этого, продолжая колоть, колоть, колоть. Несчастный умер, а он все еще терзал его тело.

– Босс, хватит.

Громила обхватил Шилова сзади руками и оттащил от убитого.

– Пиджак мне испортил. Новый пиджак! – обретя дар речи, сокрушенно произнес тот.

– Шилов, ты его заколол. Какого черта! – в голосе Гарика слышалось разочарование.

– У меня все под контролем.

– Но мы ничего не узнали.

– Плевать! Есть еще один, – Шилов бросил на паренька в камуфляже взгляд, не предвещающий ничего хорошего. – Я уверен, он не захочет повторить глупость дружка.

– А что делать с этим? – Гарик кивнул на окровавленное тело.

– А ты как думаешь? Не похороны же ему устраивать! Кинь в бетон, пусть червей кормит.

Зрелище пытки, ее кровавый финал привели паренька в полное смятение. Мысли смешались у него в голове. Страх парализовал сознание, лишив способности рассуждать здраво. Он понимал лишь одно: если будет молчать, страшной и мучительной смерти не избежать. В этот момент он предпочел бы провалиться сквозь землю, повернуть время назад. Как он теперь сожалел, что согласился на подобную авантюру! Как винил себя за жадность! Не нужно было шантажировать Шилова. Ведь знали, какой он психопат. Отдали бы сразу то чертово полотно, получили бы деньги и теперь наслаждались бы жизнью.

«А может, еще не все потеряно? – с надеждой подумал он. – Он же обещал. Я ему все расскажу, выдам картину, а он меня отпустит. Может, и деньги заплатит.» Как хотелось ему в это верить! Как хотелось надеяться! Вернуться домой, увидеть родителей, любимую девушку и забыть.

– М-м-м. – замычал он, отчаянно извиваясь и пытаясь подняться на ноги.

– Что? – склонился над ним Шилов. – Хочешь мне что-то сказать? Да?

Его взгляд теперь уже не казался парню таким пугающим, а даже немного участливым.

Или ему это только показалось?

Шилов сорвал клейкую ленту с губ пленника.

– Говори!

– Я скажу. Скажу. Все скажу. Все. – умоляюще глядя на авторитета, заговорил парень.

– Вот и молодец. Я с самого начала понял: ты намного сообразительнее своего приятеля. Ты далеко пойдешь. Мы с тобой и дальше будем работать вместе. Мне нужны умные люди. А то, знаешь, – перейдя на шепот, доверительно произнес Шилов, – вокруг одни придурки.

Он кивнул в сторону телохранителя.

– Ты меня понимаешь?

– Да.

«Мы будем с тобой работать дальше.» – эхом отозвалось в голове парня. С ним будут работать дальше! Значит, его не убьют! От осознания этого его охватило радостное возбуждение. Он приободрился.

– Так где картина? – вкрадчиво спросил Шилов.

– В Кузнецке на железнодорожном вокзале, в камере хранения.

– Номер?

– Двадцать один.

– Шифр?

– Б. Двадцать три. – парень наморщил лоб. – Двадцать три один восемь.

– Вот и отлично! – похвалил его Шилов. – Но какого черта вас туда занесло?

– У Гвоздя там мать живет.

– Гвоздь – это третий?

– Да. Он гастролер, спец по сигнализации.

– А где он живет?

– Не знаю. А зачем он вам? Он тут ни при чем!

Взгляд Шилова похолодел.

– Я, честно, не знаю. Клянусь! Мы никогда об этом не говорили. Майкл знал.

– Не волнуйся, я тебе верю.

Шилов поднялся. От былой доброжелательности в нем не осталось и следа. Лицо снова приобрело змеиное выражение.

– Этот пускай живет, – распорядился он. – Пока. Сперва нужно проверить, – затем кивнул телохранителю. – Пошли.

Тот набросил пальто на плечи босса и как тень двинулся следом по лестнице.

Парень, приободрившийся до этого, опять впал в панику. Он понял, что его обманули.

– Шило, обожди! Шило!.. Ты же обещал! Мы же договорились, Шило!

Поднявшийся уже до середины лестницы авторитет остановился и обернулся.

– Мы договаривались, что вы достанете мне картину. Вы обманули. Я тоже, – презрительно глядя на парня, произнес он.

Приняв душ и переодевшись, Шилов вызвал к себе в кабинет доверенного адвоката, который являлся скорее советником в преступных делах, чем юристом. Нужно было с ним посоветоваться и кое-что уточнить.

Вскоре в дверь постучали, и в кабинет вошел грузный пожилой человек с огромной лысиной на макушке. Одет он был с иголки: накрахмаленная рубашка, безукоризненно отутюженный, без единой складочки, дорогой костюм. Все было идеально подогнано к его фигуре.

– Вызывали, Станислав Павлович?

– Заходи, садись, Семенович, – пригласил Шилов.

По тону авторитета адвокат понял, что тот находится в отличном расположении духа. Когда он называл его по имени-отчеству – Антон Семенович, это означало, что разговор предстоял серьезный и нужно было держать ухо востро. Шилов – личность психически неуравновешенная, мог в припадке ярости убить. А если называл так, как сегодня, – просто Семенович, значит, разговор будет простой формальностью. Он уже сам все решил и хочет лишь поставить в известность.

– Завтра мы едем в Кузнецк, – сообщил он. – Займись организацией.

– Хорошо, – кивнул адвокат, ожидая пояснений.

– Завтра наконец я заполучу эту чертову картину!

– Она в Кузнецке?

– Да. На вокзале, в камере хранения, ждет, когда я приду и заберу ее. Кроме того, нужно заплатить по счету одному ублюдку. – Глаза бандита зловеще сверкнули. – Ты не помнишь, кто там сейчас хозяин?

Адвокат задумался.

– По-моему, Лысый.

– Вот дерьмо! – выругался Шилов.

– Вы его знаете?

– Приходилось. Старое дельце, еще в Самаре.

– Связаться?

– Да, позвони и скажи, что заедет Шило. Вот он обрадуется.

Глава 5

Несмотря на палящее солнце, в гараже царила приятная прохлада. Толстые, сработанные на совесть кирпичные стены и густая тень, отбрасываемая раскидистой кроной старой липы, росшей невдалеке, служили надежной, но временной защитой от августовского зноя. Не пройдет и нескольких часов, как тень начнет отступать на восток, теснимая неумолимыми лучами. Когда они доберутся до распахнутых настежь ворот и заглянут внутрь, пространство гаража превратится в настоящее печное жерло.

Работа двигалась медленно. В такую жару больше хотелось окунуться в холодную речную воду, выпить бутылку ледяного пивка и вздремнуть в теньке. Однако этим мечтам не суждено было сбыться.

С самого раннего утра Егор и Александр перебирали мотор «фольксвагена». Машину купили по случаю и почти за бесценок. Новая модель, но после аварии перед автомобиля превратился в гармошку, мотор дал трещину, а часть узлов и деталей требовала замены. Для непосвященного – удручающее зрелище. Но на самом деле все оказалось не так страшно, как с виду. Главное, перебрать мотор и заменить пришедшие в негодность детали. Передок и крылья, хоть и бывшие в употреблении, но еще в нормальном состоянии, уже имелись. Несколько дней посидеть в гараже, и машина готова, как планировал Егор.

Однако ремонт затянулся. Времени не хватало; как назло, свалилось множество проблем, и эта жара.

– Наденька, подай дяде Саше из холодильника бутылочку пива, – попросил Мельников, выглянув из смотровой ямы.

Девочка, сидевшая в углу на табурете и болтавшая ногами, наморщила усеянный веснушками носик и замотала головой.

– Не подам.

– Это еще почему?

– Тебе нельзя пить пиво.

– Мне? Нельзя?

– Ты и так толстый. А папа говорит, что люди от пива толстеют еще больше, – серьезно заявила девочка.

Егор отложил в сторону ключ и прислушался к разговору.

– Да ты что, Надюша! Какой же он толстый? Он сильный, – вступился он за друга.

– Нет, это ты сильный. У тебя одни мускулы, как у Шварценеггера. А он толстый. У него один жир, а мускул не видно.

Егор прыснул со смеху. Мельников обиженно засопел. Погрозив девочке пальцем, он сказал:

– Ну раз я толстый и жирный, то больше кататься в машине тебя не возьму. Даже не проси.

– А вот и неправда! Возьмешь!

– Правда.

– Нет!

– Да!

– Возьмешь! Все равно возьмешь! – уверенно заявила она. – Ты, дядь Саша, хоть и толстый, но добрый.

Мельников довольно улыбнулся в усы.

– Ох, Надюха, и лиса же ты. Хитра-а-я-я. – покачал он головой.

Вытерев замасленные руки тряпкой, Егор подошел к холодильнику, достал две бутылки пива, открыл их. Проходя мимо племянницы, он щелкнул ее пальцем по носу.

– А-а-а. – запищала она. – Ты мне нос вымазал!

– Давай, Надюха, дуй домой. Скажешь бабушке Нине, что мы скоро приедем.

Девочка убежала.

– Может, тебе и в самом деле пива не давать? – в раздумье Егор остановился возле смотровой ямы.

– Да иди ты. – обиделся Александр и снова нырнул под машину. – Скажи сразу: пожалел, – донесся оттуда его голос.

– Ладно, вылазь, перекурим, – предложил Егор.

Пыхтя, словно старый паровоз, Мельников выбрался из-под машины. Он расправил затекшие плечи и критически осмотрел «фольксваген».

– Хорошая будет тачка, – потягивая пиво, удовлетворенно произнес он.

– Придется попотеть.

– Зато как потом телок будем снимать! А?!!

Предвкушая предстоящее удовольствие, он расплылся в довольной улыбке. У любого человека, глядя на него, в этот момент невольно возникло бы сомнение: а может, и в самом деле это все, что нужно для счастья? Он думал именно так. Не обремененный семьей и заботами, он жил сегодняшним днем, наслаждался жизнью и брал от нее все, что она могла ему дать.

Неожиданно Егор поймал себя на мысли, что завидует другу. «Почему же у меня так не получается, – с горечью подумал он. – Всегда возникают какие-то проблемы, трудности. Всегда приходится что-то преодолевать, что-то доказывать, за что-то бороться.»

Дальнейшие размышления были прерваны ревом мотора и визгом тормозов. Возле ворот гаража, подняв густое облако пыли, остановился джип. «Кого еще нелегкая принесла?» – удивился Егор, стараясь рассмотреть приехавших. Однако солнце отсвечивало от лобового стекла, и увидеть, кто сидит в машине, было невозможно.

Дверцы распахнулись, и из автомобиля выбрались три парня: здоровенный качок в спортивном костюме, второй – немного пониже, но жилистый и крепкий. Его правая рука до самого плеча была исколота татуировками. Держался он уверенно, но не нагло. А вот третий – худосочный коротышка с длинным носом и оттопыренными, как у Чебурашки, ушами – был весь «на понтах». Двигались они не спеша, словно с лентой.

Войдя в гараж, мужчина с наколками снял солнцезащитные очки и отошел в сторону, уступая место коротышке.

– Люди Лысого. За долгом. – шепнул Александр.

Неприятный момент, который они стремились, но в итоге не сумели избежать, наступил.

– Не слабо влетели, – посочувствовал коротышка, глядя на «фольксваген».

Шувалов и Мельников промолчали, ожидая продолжения. Поняв, что с ним никто не желает поддерживать разговор, коротышка переменялся в лице.

– Ты Егор? – глядя снизу вверх на Шувалова, спросил он.

Егор кивнул:

– Ну я.

– Так вот, Жорик, Лысый хочет знать, когда он увидит свои бабки?

– Мы все вернем в срок.

Егор старался говорить спокойно, обдумывая каждое слово. Нарываться на неприятности не хотелось. Положение и без того было критическим. Возможно, этот разговор ничего и не изменит. Скорее всего Лысый для себя все уже решил и менять свое мнение не собирается. Но надежда разрешить этот вопрос мирным путем и отсрочить выплату все-таки еще теплилась. Хотелось верить. Это был их единственный шанс.

Однако, похоже, у людей Лысого были совсем иные инструкции.

В их задачу входило надавить, запугать. Классическая комбинация по выколачиванию долга. Прямо как в гангстерских фильмах про мафию. Разница только в том, что должники

сами собирались вернуть долг в оговоренные сроки. Парадоксально, но ничего не поделаешь. Прав всегда сильнейший, а остальным приходится лишь уповать на его честность и порядочность. Но, как правило, подобных качеств у таких людей не наблюдается.

– Лысому нужны деньги сейчас, – заявил коротышка, и по его тону стало понятно, что никакие доводы, никакие уговоры не помогут. Да и что толку было его уговаривать! Он всего лишь шестерка.

– У нас сейчас нет всей суммы.

– Это твои проблемы. Крутись как хочешь, но время пришло – плати!

– Но срок еще не наступил! – возразил Егор. – Твой хозяин, видимо, забыл, у нас еще осталось целых две недели.

– Не тебе решать.

– Но мне платить! – не дав договорить, резко оборвал Егор.

Коротышка подался вперед и с вызовом взглянул ему в лицо. Казалось, он подрос на целых десять сантиметров.

– Ты хочешь сказать, что Лысый врет?

– Я этого не говорил. Может, он просто забыл.

– Жорик, ты мне здесь не крути. Я человек нервный и умников не люблю. Меня тошнит от мудаков, не возвращающих долги. Ты понял?

– Понял. Но я выполняю свою часть договора.

Коротышка нервно взмахнул руками.

– Какой, нахрен, уговор! Ты бабки возвращать думаешь?

– Я же сказал: все верну. Все до доллара. Но мне нужно время. Две недели – это все, что нам нужно. Передай ему: пусть не торопит.

– У тебя нет времени! Или деньги сейчас, или мы забираем грузовик, гараж со всем хламом и этим корытом, – коротышка кивнул в сторону машины, – в счет долга.

– А вот это ты видел! – не выдержал Мельников.

Он сунул кукиш под нос бандиту.

Огромный кулак, не намного уступающий по размерам человеческой голове, произвел неожиданный эффект. Коротышка взвизгнул и, отскочив назад, метнул на Александра полный ненависти взгляд. От его былой напыщенности и самоуверенности не осталось и следа. Теперь он скорее походил на испуганную волкодавовой шавку, которая при первом грозном рыке трусливо поджала хвост.

– Утюг! – ища поддержки и защиты, он обернулся на качка.

Громила по-бычьему пригнул голову, расправил плечи и сжал кулаки. Он приготовился к драке. Парень немного уступал Мельникову в росте и весе, но был намного моложе и лучше физически развит. Судя по туповатому взгляду, природа обделила его мозгами, зато с лихвой компенсировала эту недостачу мускулатурой. Ничего не скажешь, идеальная машина для мордобития! С таким лучше не связываться даже добродушному здоровяку Александру Мельникову.

Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы не вмешался мужчина с татуировкой в виде креста с обвившейся вокруг него змеей на руке. Встав между повздорившими сторонами, он повелительным жестом остановил громилу.

– Остынь, Утюг.

Коротышка возмущенно завопил:

– Колян, он же первый начал! Ты же сам видел! Этот ханыга на меня руку поднял! Он зарвался, Колян. Он кукиш мне прямо в морду тыкнул, козел вонючий! Неужели ты меня на какого-то мудака променяешь? Колян, ты что?!

– Заткнись, Крот! – цыкнул мужчина с татуировкой. – Ты меня достал, выпендрожник хренов. Не можешь нормально базар вести – выпутывайся сам. Твоя проблема, ты и разби-

райся. Следующий раз будешь знать. Мы не беспредельщики, мы – деловые люди, – произнеся эту фразу, он взглянул на Егора и Александра, наблюдая за произведенным впечатлением. – Понятно?

Мельников что-то неразборчиво буркнул в ответ, Шувалов молча кивнул.

– Надеюсь, с этим недоразумением покончено? – подводя итог, произнес мужчина. – Теперь займемся делами. Насколько я понял, денег у вас сейчас нет?

– Наличными – только часть суммы. Мы недавно погасили банковский кредит. Да и у брата инфаркт случился. Он сейчас в больнице, а лекарства стоят очень дорого, – пояснил Егор.

Он с тревогой смотрел на холодное, безучастное к чужим проблемам лицо бандита. Отсутствие эмоций вызывало опасения. Намного проще общаться с человеком, который не скрывает своих чувств и чьи чувства и мысли можно предугадать, чем с внешне спокойным, таящим все внутри. Кто знает, что на самом деле у него на уме?

– Думай сам. Лысый, то есть Александр Викторович, просил меня передать, что ему срочно понадобились деньги и он хочет получить назад свой долг. Немедленно!

– Прямо сейчас?

– Нет, – успокоил его мужчина. – Он дает вам три дня сроку.

– А что потом? – спросил Мельников.

Мужчина пожал плечами.

– Потом. Потом, я думаю, произойдет то, о чем предупреждал он, – он указал в сторону коротышки.

– И мы потеряем гараж, грузовик и все остальное? – уточнил Егор.

– Не сомневайся.

– Это незаконно! – возмутился Мельников и сжал кулаки.

– Не стоит волноваться, волнение вредит здоровью. А насчет законности не переживай.

Адвокаты, нотариус и прочее. мы все гарантируем.

– Сволочи! – процедил Александр.

– Только не надо грубить, – предостерег его мужчина. – Мы же деловые люди, а не какая-то там шушера. Бизнес есть бизнес. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает.

Лицо Мельникова побагровело еще сильнее. Он готов был размазать этих ублюдков по стенам, разодрать их в клочья, но что бы это дало? Их положение только ухудшилось бы.

– Спокойно, Саня, – вполголоса прошептал Егор. Затем обратился к мужчине: – Я хочу сам переговорить с Лысым.

– С Александром Викторовичем. – слегка улыбнувшись, поправил его тот.

– Александром Викторовичем.

– Хорошо, я передам ему. Он свяжется с тобой.

Когда люди Лысого сели в джип и уехали, Мельников не выдержал и со всей силы несколько раз подряд врезал кулаком в кирпичную стену гаража.

– Черт!.. Черт!.. Черт!..

– Успокойся, – задумчиво произнес Егор. – Нужно что-то придумать, притом срочно.

Но Александр его не слушал. Он продолжал kloкотать как разъяренный вулкан.

– Сукин сын! Нет, каков подлец! И у них еще хватает наглости называть себя цивилизованными людьми! Что делается в этом мире, Егор? Неужели это в самом деле законно? Ведь и дураку понятно, что нас просто хотят ограбить!

Шувалов горько усмехнулся.

– Где ты тут, к черту, видел закон?!

– Но как же так?

– Я не знаю. – пожал плечами Егор. – Это мафия, и мы бессильны с ней бороться. Я вижу единственную возможность – уговорить Лысого не торопить нас. Но, поверь мне, шансов на это нет практически никаких. Мы разорены.

Глава 6

Дул легкий ветерок. На бездонном голубом небе не было ни облачка. Жаркое августовское солнце, стоявшее в зените, нещадно палило, выжигая и без того изрядно истосковавшуюся по дождю землю.

Раскаленный воздух дрожал над лентой дороги, словно над гигантской перегретой плитой. Если долго не отрываясь смотреть на асфальт впереди, то создавалось впечатление, что едешь по какой-то пустыне. Однако стоило лишь отвести глаза в сторону и взглянуть за окно, как с удивлением заметишь, что вокруг не барханы и измученные жаждой верблюды, а березовые рощи да зеленые луга с мирно пасущимися на них коровами. И удивление будет до того сильным, что невольно возникнут сомнения: не галлюцинации ли это?

Даже самый равнодушный и безучастный ко всему происходящему человек задумывался: к чему приведет тянущаяся без малого уже три недели жара и полное отсутствие дождей? В одном можно было не сомневаться: ничего хорошего это не принесет.

К такому же мнению склонялся и Станислав Шилов. И хотя кондиционер работал на полную мощность, а сквозь тонированные стекла не проникали палящие лучи, он с болью и тоской взирал на родные просторы. Всосавшиеся давным-давно с молоком матери чувства, правда за сорок пять лет жизни просыпавшиеся всего пару раз, неожиданно снова дали о себе знать. Как-никак он был русский!

– Не к добру такая жара, – задумчиво произнес он.

Гарик, сидевший на переднем сиденье, взглянул за окно и, помолчав некоторое время, кивнул:

– Раньше такого не было.

Сидевший за рулем мужчина, повернув голову к боссу, заметил:

– Говорят, конец света скоро.

Три черные машины с огромной скоростью неслись по шоссе в направлении города Кузнецка. В первой, «мерседесе», удобно развалившись на заднем сиденье, ехал сам Стас Шилов. В следовавших сзади двух джипах находилась «группа поддержки» – старая гвардия Шилова в составе восьми головорезов. Проверенные в деле, матерые, как тамбовские волки, каждый из которых стоил пятерых. Шилов это знал, знали и другие, поэтому в любом месте, в любой ситуации Шилов был уверен в своих силах. Без них он просто вор, а с ними – личность, с которой вынуждены были считаться даже в столице.

Имея столь мощную поддержку, он, не опасаясь за свою жизнь, гастролировал по стране и всегда чувствовал себя как дома. Даже теперь, направляясь в незнакомый город, на чужую территорию, он ничуть не беспокоился.

В Кузнецке Шилов раньше никогда не был, но уже заранее испытывал к нему предубеждение. Город заочно ему не нравился, представлялся затхлым захолустным районным центром с кривыми убогими улочками, с неровным, еще послевоенной укладки, асфальтом и пестрым набором всевозможных домов и домиков: от пятиэтажек до дореволюционных хибар с полуподвальными этажами. Все унылое и однообразное. Возможно, такое настроение было связано с тем, что в Кузнецке проживал старый знакомый Станислава Шилова. Это был бывший уголовник, а теперь «добропорядочный» бизнесмен Шура Горбунов по прозвищу Лысый. Их связывало старое дело почти двадцатилетней давности. Дело, которое один из них хотел бы навсегда забыть, а другой – никогда не совершать.

Шилов знал, что его визит особого энтузиазма у Лысого не вызовет, скорее, наоборот. Но это не в счет. Главное, все время быть начеку и не давать слабину.

В город прибыли под вечер.

Как и ожидалось, городишко производил тягостное впечатление. Постройки, которых едва коснулась рука западной цивилизации со всеми ее благами и достижениями, и сама атмосфера, царившая вокруг, навевали тоскливые воспоминания о тяжелых восьмидесятых и беспокойном начале девяностых годов. В те времена борьба за место под солнцем была особенно отчаянной и кровавой. Сначала – преследования милиции, затем – непрерывные войны с конкурентами и беспредельщиками. Он не любил вспоминать о тех временах. На самом деле они были совсем не такими, как показывают в кино и пишут в книгах. Все было намного сложнее и запутаннее. Было больше хаоса.

Жара немного спала, но за день все так раскалилось, что каждый чувствовал себя словно в духовке.

К великому облегчению, в здании железнодорожного вокзала царила прохлада. Старое железобетонное строение с мрачными помещениями и обшарпанным залом ожидания так же долго нагревалось, так и медленно остывало. Назойливое солнце с трудом проникало внутрь сквозь грязные стекла окон. А допотопные вентиляторы, которые в случае своей исправности могли разогнать прохладный воздух, к счастью, не работали.

Станислав Шилов в сопровождении Гарика и трех своих ребят напрямик направился к камерам хранения, ютившимся в дальнем конце зала ожидания за рядами деревянных скамеек. Остальных своих людей он отослал в гостиницу – подготовить номер, и к Лысому – сообщить о прибытии. При себе оставил лишь несколько человек, самых надежных.

Проходя между немногочисленными пассажирами, то сидя, то лежа расположившимися на скамьях, он поймал себя на мысли, что волнуется. Но это было приятное волнение. Никакого беспокойства, только предвкушение богатства, денег. Он уже представлял, как держит в руках бесценное полотно, ощущал под своими пальцами шероховатость древнего холста и красок, чувствовал их запах. И запах денег. Денег, которые он получит за эту дрянную тряпку. Кучу долларов! Целое состояние! И все за какой-то полинявший, потрескавшийся от времени портретик. Воистину, люди глупы! Как можно такую безделицу променять на деньги? Нет! Он этого никогда не понимал и, наверное, никогда не поймет. Деньги! Вот главное, вот смысл жизни! У кого есть деньги, много денег – тот живет. У кого их нет – тот существует. А он, Стас Шилов, привык жить!

К его огромному удивлению, камеры хранения оказались совершенно новыми и современными. Они никак не вписывались в интерьер вокзала, но Шилов обрадовался: тем меньше возможность случайного ограбления.

Кивком головы Шилов приказал своим людям рассредоточиться по залу, чтобы не привлекать внимания. Оно им было сейчас ни к чему.

– Ты чувствуешь? – он шумно втянул ноздрями воздух. – Чувствуешь?

Гарик озабоченно сдвинул брови. Его взгляд выражал полное непонимание.

– Что?

– Запах.

– Какой запах?

Гарик осторожно понюхал воздух. Кроме вони, исходившей от мусорки, стоявшей рядом, и застоявшегося воздуха самого помещения, он больше ничего не мог уловить.

Глаза Шилова загорелись диким, необузданным огнем, что свойственно только безумным и одержимым натурам.

– Запах денег, Гарик. Разве ты не чувствуешь, как они пахнут? Сладкий пьянящий аромат. Он идет отсюда, – Шилов приблизился к ящику, на котором стоял номер двадцать, и любовно провел по нему рукой. – Здесь, за этой маленькой дверкой, лежит то, что источает этот ни с чем не сравнимый запах. Запах денег. Самый приятный аромат на свете.

Гарик пожал плечами.

– По-моему, тут воняет только мусорной урной, – флегматично бросил он.

К периодическим заскокам своего босса он привык давно, и то, что постороннего человека привело бы в замешательство, его оставляло равнодушным. У каждого свои странности, рассуждал он, пусть у Шилова их больше, но это его проблемы. Лишь бы не мешало делу. Если босс перегибал палку, он его останавливал, служа, таким образом, своеобразной уздой. В состоянии подобного рода припадков Шилов не контролировал себя, и от него можно было ждать чего угодно. Однако Гарик относился к редкой категории людей, напроочь лишенных страха и жалости. Поэтому смотрел на все спокойно и действовал рассудительно.

Стаса Шилова он уважал, и не без основания. Безумие всегда граничит с гениальностью, в чем ему доводилось не раз убеждаться. С тех пор как он присоединился к банде Шилов, жизнь стала лучше. Все дела выгорали, отпала проблема с ментами и другими группировками, появились бабки. Шилов все улаживал, все предусматривал, все прочитывал наперед. Для своих людей он был как заботливый папаша. А его маленькие слабости? Что ж, черт с ними!..

– Какая черствая у тебя душа, Гарик, – вздохнул Шилов. – У тебя нет ни капельки романтизма. Ну да ладно. Приступим!

Склонившись над ячейкой камеры хранения, он принялся не спеша набирать код замка.

Б. Двадцать три. Один. Восемь. – проговаривал он вслух цифры. Послышался легкий щелчок – и замок открылся.

– Есть!

Шилов потянул на себя дверцу сейфа и заглянул в него. Его пальцы тряслись от волнения. Внутри все дрожало и пело от нетерпения, как у охотника, который после долгой и изнурительной охоты загнал лису в нору и теперь, зная, что оттуда она никуда не денется, методично выкуривает ее.

Волнение передалось и Гарику. Сохраняя на лице безразличное выражение, он через плечо заглянул внутрь камеры.

– Вот она, – прошептал Шилов, извлекая наружу черный цилиндрический футляр, какие используют для хранения чертежей.

Его длинные пальцы бережно пробежались по пыльному пластику, поглаживая и лаская его, как бесценное сокровище. Затем он осторожно снял крышку.

Их взору предстали потрепанные, пожелтевшие края полотна, свернутого в трубку. И хотя самого изображения не было видно, никто не сомневался, что перед ними та самая картина.

– Он не обманул тебя, – вынужден был признать Гарик.

– Я в этом не сомневался.

– А я-то думал, мы зря притащились.

Уже в который раз Гарик убеждался, что тягаться с шиловской интуицией, когда речь заходит о деньгах, бесполезно. Он, как компас, всегда указывал правильное направление.

Шилов закрыл футляр и протянул его помощнику.

– Доставишь в гостиницу и охраняй до моего приезда.

– А ты куда?

– Загляну к Лысому, – Шилов пригладил и без того аккуратно уложенные гелем волосы. – Есть разговор. Хочу узнать, где найти Гвоздя, и намекну, чтобы не совался в наши дела.

Произнося слово «намекну», он презрительно усмехнулся. Было понятно, что намекать он ничего не будет. Просто поставит в известность и заодно посмотрит, как устроился его старый знакомый.

Посадив Гарику в ждавший у входа джип, Шилов наклонился к открытому окну машины и произнес:

– Возможно, уже сегодня вечером у тебя будет работенка. Приготовься. Когда вернусь, объясню.

– Не волнуйся, я всегда готов, – заверил Гарик. – Все произойдет, словно это несчастный случай.

Шилов кивнул.

– Езжай! – скомандовал он и хлопнул по крыше кабины ладонью.

Глава 7

Подходя к дому, где жил Гвоздь, Гарик снова сверился с планом, предоставленным Шиловым после возвращения от Лысого. Вот продовольственный магазин, за ним поворот направо в переулок. Теперь нужно отыскать дом номер семь, что напротив автобусной остановки. Гарик взгляделся в детали рисунка. Все сходилось. Город был небольшой, и поэтому даже в крошечной темноте сориентироваться не составляло труда.

Несмотря на столь позднее время – была полночь, – в некоторых окнах еще горел свет. Местами он падал на тротуар, освещая безрадостную картину людской бесхозяйственности: на тротуаре многие плиты были вывернуты, сломаны, другие отсутствовали вовсе, вместо них зияли глубокие ямы. Немудрено было подвернуть ногу. В планы Гарика это не входило. Поэтому передвигался он с особой осторожностью, несмотря на то что начинал отставать от графика.

Фонари, торчавшие вдоль дороги, как и следовало ожидать, не работали. То ли из-за постоянных неплатежей за электроэнергию, то ли потому, что украли или повыбивали лампочки. А может, еще по какой-нибудь причине. Поразмыслив, не стоило большого труда привести еще с десятков не менее правдоподобных объяснений.

Темнота не особенно беспокоила Гарика. Глаза к ней быстро привыкли, и он бесшумно, как кошка, приближался к намеченной цели – четырехэтажному кирпичному дому.

Остановившись у подъезда, он еще раз проверил оружие: удавка в кармане куртки, короткий обоюдоострый нож в кожаном чехле за поясом. Затем достал из наплечной кобуры свой неразлучный «ТТ» и навинтил на ствол глушитель, проверил обойму. Осталось натянуть тонкие хирургические перчатки.

Боря Коробков, больше известный своим друзьям под прозвищем Гвоздь, жил с матерью, Ольгой Сергеевной Коробковой в двухкомнатной квартире на четвертом этаже. Но сейчас Ольга Сергеевна находилась на дежурстве в больнице, и Боря ночевал один. Его мать – честная женщина и образцовая медсестра – даже не могла предположить, что ее единственный, горячо любимый сынок – профессиональный взломщик.

На лестнице было пусто.

Гарик поднимался не спеша, как к себе домой. Его шаги гулко отдавались в замкнутом пространстве и казались невероятно громкими.

Вот и четвертый этаж, квартира номер одиннадцать.

Прислушавшись и удостоверившись, что все спокойно, Гарик нажал на кнопку звонка. Конечно, он мог покопаться в замке отмычкой, рискуя нарваться на соседей, но предпочел другой, более простой вариант – действовать открыто и нагло.

Через несколько минут за дверью послышались тяжелые шаги, и сонный голос недовольно произнес:

– Ну, кто там еще? Уже двенадцать ночи!

– Капитан Семенов. Дорожная инспекция, – придав голосу сухую официальность, хриловато объявил Гарик. – Здесь проживала Коробкова Ольга Сергеевна?

За дверью воцарилась тишина. Видимо, шло обдумывание услышанного.

– Милиция? Капитан Семенов? – в голосе послышалось удивление. – Проживала? Почему проживала? Что случилось?

Придав голосу трагические нотки, Гарик продолжил:

– Около больницы она переходила дорогу. Ее сбила машина. Вы должны поехать со мной для опознания трупа.

Послышалось бряканье ключей, дверь открывали.

Из своего богатого жизненного опыта Гарик знал, как наверняка затронуть самые болезненные и чувствительные струнки человеческой души. На этот раз он тоже не ошибся.

Дверь распахнулась. В образовавшемся проеме показался одетый в одну майку и плавки худой длинный парень.

– Входите. – торопливо произнес он, отступая назад, но слова тут же застыли на его губах.

Раскрыв от изумления рот и выпучив глаза, он с ужасом уставился на невысокого коренастого мужчину в темной ветровке, стоявшего за дверью. Он узнал его! Он узнал это невыразительное лицо, впалые глаза, жесткие тонкие губы. На пороге его квартиры стоял киллер Шилова, которого он собирался шантажировать.

В следующий момент парень опомнился, отскочил назад и попытался захлопнуть дверь. Но Гарик оказался проворнее. Он сунул ногу в образовавшуюся щель, не дав двери закрыться. Затем ударом плеча распахнул ее. Под его напором дверь раскрылась, а парень отлетел назад и рухнул спиной на пол. Не обращая внимания на боль во всем теле, Гвоздь, отпихивая Гарика руками и ногами, попятился по коридору, пытаясь укрыться от наступающего киллера за следующей дверью.

– Значит, признал, – удовлетворенно заключил Гарик после того, как закрыл на защелку дверь. Он подошел к парню вплотную и склонился над ним.

– А теперь без глупостей. Знаешь, что это? – спросил он, вынув из кобуры пистолет и сунув ствол глушителя под нос несчастному.

Уперевшись спиной в стену и продолжая судорожно отталкиваться ногами от пола, парень замотал головой.

– Нет. Нет. Не надо. Пожалуйста! Не убивай меня! Я сделаю все, как ты скажешь. Я дам тебе деньги. Я заплачу! – сидя на полу, умолял он.

– Да?

– Да! Не думай, у меня много денег! Я накопил! Я все отдам!

– Меня не интересуют деньги, Гвоздь.

Гарик презрительно скривил губы. Жалкое зрелище. Он терпеть не мог, когда клячат и унижаются. Настоящий мужчина, уж если обстоятельства так сложились, должен умереть стоя, а не ползать в своем дерьме и соплях. Он бы до такого никогда не опустился.

– А-а-а. Я знаю, что тебе нужно! – парень попытался подняться, но несильный пинок коленом не позволил ему этого сделать. – Тебе нужна картина!.. Да? Ведь правда? – заскулил он.

– Нет.

– Ну не тебе, так твоему боссу. Ты же тут из-за нее? – парень нервно хихикнул. – Да. Картина у меня. И она стоит огромных бабок. Тебе такие и не снились, – он с надеждой взглянул на Гарика и продолжил: – Я поделюсь с тобой! Ты отпустишь меня, а я отдам тебе четвертую часть! Двадцать пять процентов – это около трехсот штук баксов! Будешь обеспечен до самой старости. Ну?

Лицо убийцы оставалось бесстрастным, словно он не слышал предложения.

– Тебе мало? Ладно. Тогда тридцать процентов – третья часть! – по-своему расценил молчание Гарика Гвоздь. – Нет? Тогда бери половину! Пятьдесят на пятьдесят. Полмиллиона долларов – огромные деньги! Соглашайся!

Он безрезультатно пытался отыскать хоть какой-нибудь огонек заинтересованности в пустом взгляде киллера. Но его старания были напрасны. Ни единый мускул, ни одна жилка не дрогнули на лице Гарика.

– Бери восемьдесят процентов. Забирай все! Только не убивай! – в отчаянии воскликнул парень. Нервы его сдали.

– Заткнись, падла, картина уже у Шилов.

Услышав новость, парень тут же умолк и мгновенно сник. Это известие окончательно сломало его. Он понял, что никаких шансов больше не осталось.

– Не вздумай сопротивляться, – на всякий случай пригрозил пистолетом Гарик. – Умрешь быстро и без боли. Ты меня знаешь.

Гвоздь устало кивнул. Он был наслышан о репутации человека, стоявшего перед ним. Умереть можно по-разному. А этот знал толк в смерти.

Несмотря на духоту, Гвоздь поежился. Его начал бить озноб. Сидя на коленях на полу, он обхватил голые костлявые плечи руками и принялся раскачиваться взад-вперед, будто убавляя себя. Казалось, он полностью покорился судьбе.

Спрятав ключ от входной двери в карман брюк, Гарик извлек пузырек со снотворным. Сходяв на кухню и набрав чашку воды, протянул ее вместе со снотворным Гвоздю.

– Пей, – потребовал он.

Парень даже не шелохнулся. Тогда Гарик пояснил:

– От снотворного ты боли не почувствуешь. Просто заснешь, – затем добавил: – Шило хотел, чтобы ты кончился не сразу, а мучился долго перед смертью. Я нарушаю приказ. Ты меня понимаешь?

Раскачивание прекратилось. Гвоздь поднял голову, молча взял таблетки, высыпал их себе в ладонь и отправил в рот. Затем запил одним глотком. Давясь, он проглотил снотворное и вернул чашку.

– Теперь раздевайся, – взглянув на часы, приказал Гарик.

Он засекал время. Через пять минут снотворное начнет действовать. Теперь нужно было торопиться, чтобы все подготовить и представить дело как несчастный случай.

Пройдя в ванную, он включил воду на полный напор. Затем привел вялого, пошатывающегося Гвоздя и усадил в ванну. Ванна быстро наполнялась. Парень начал засыпать. Взгляд его затуманивался, веки смыкались. Ему осталось жить совсем недолго.

Когда ванна наполнилась, Гарик выключил воду. Выпрямившись, он наблюдал, как спящее тело медленно съезжало вниз. Он видел, как голова скрылась под водой, как судорожно открылся рот. Гарик не испытывал ни жалости, ни сожаления, ни угрызений совести. Он вообще не испытывал никаких чувств. Это была его работа. А кроме того, Гвоздь был паразитом, не достойным жить.

Через несколько мгновений с парнем было покончено. Теперь сыскарям долго придется ломать голову над тем, убийство это или самоубийство, и зачем человеку лезть в ванну топиться, выпив смертельную дозу снотворного. Пусть думают. Улик он им, как всегда, не оставит, и потому сойдутся они скорее всего на самоубийстве и закроют дело. Так проще.

Еще раз осмотрев место преступления, Гарик удовлетворенно кивнул. Сработано чисто.

Выключив свет, он вышел из ванной и не спеша осмотрел пол. На всякий случай протер его, хотя не сомневался, что отпечатки его ботинок, даже если они и останутся, будут стертые и затоптаны задолго до приезда криминалистов. Но перестраховаться лишний раз не мешает никогда.

Когда со следами было покончено и Гарик спрятал носовой платок обратно в карман, в дверь квартиры неожиданно зазвонили. Долгий настырный звонок, пронзительно разорвавший тишину, заставил его встрепенуться. После коротких раздумий он подкрался к глазку и осторожно в него взглянул.

На лестничной площадке стояла молоденькая симпатичная девушка с белокурыми кудрявыми волосами и пухленьким личиком. Ее глаза были полны слез, а во взгляде читалась решимость во что бы то ни стало пробраться в квартиру.

Инстинктивно бросив взгляд на замок – заперт ли он, Гарик призадумался. Ситуация оборачивалась неожиданным образом. Она начинала выходить из-под контроля. Если девушку

не утихомирить, она разбудит полдома. Но что предпринять? Выключить свет и ждать, когда она уйдет, или же открыть дверь, впустить ее, а там.

Но выбирать не пришлось: девушка, продолжая упрямо жать на кнопку звонка, в довершение ко всему громко захныкала:

– Боря, открывай! Открывай! Ну, открывай же. Ты же дома! Я знаю, что ты дома. Я видела свет.

Девушка громко всхлипнула и, вытерев рукавом слезы, пригрозила:

– Борька, скотина, открывай дверь! Открывай немедленно, не то все узнают, какая ты сволочь! Ну пожалуйста. Я должна тебе что-то сказать. Я беременна. – последние слова она произнесла почти шепотом, но Гарик их расслышал.

Его рука, потянувшаяся к замку, замерла на полпути. На какой-то миг он растерялся. В груди, там, где должно было быть сердце, что-то дрогнуло. Девушка. Молодая. Красивая. И внутри нее ребенок. Две жизни. Совсем невинные. Гарик засомневался. должен ли он? Одно дело, когда освобождаешь мир от вонючих хорьков вроде Гвоздя, а другое – невинное существо. Он никогда раньше не убивал беременных.

– Открывай, иначе я всем расскажу, что ты со мной сделал! – раздался за дверью истеричный крик.

Повинуясь инстинкту самосохранения, рука Гарика повернула ключ в замочной скважине. Затем он потянул дверь на себя и отошел в сторону, прячась за ней.

Не дожидаясь приглашения, девушка уверенно шагнула внутрь. Она собиралась с ходу наброситься на своего парня, но, не встретив его, раздосадованно обернулась. Ее пухленький ротик уже приоткрылся, готовясь выплеснуть наружу всю обиду, все негодование, накопившиеся внутри. Однако произнести она ничего не смогла. От изумления девушка лишилась дара речи. Перед ней стоял чужой незнакомый мужчина с пугающей внешностью.

Воспользовавшись замешательством жертвы, Гарик тут же нанес точный сильный удар правой рукой в подбородок. Удар оказался нокаутирующим. Не проронив ни слова, она свалилась на пол. Сильные руки подхватили ее и отнесли в ванную.

Гарик невольно залюбовался чистыми нежными чертами лица, на которое ниспадали растрепавшиеся белоснежные кудри. Она была словно ребенок, уснувший светлым, беззаботным сном. Однако из-за злосчастного стечения обстоятельств этому ребенку не суждено было проснуться. Никогда.

Явись она на пять минут позже, все сложилось бы иначе.

Держа на руках тело девушки, Гарик на мгновение задумался. В его четко продуманный план не входило двойное убийство. Значит, придется вносить коррективы. Новая версия созрела сама собой. Девушка приходит сообщить своему любовнику, что беременна, но находит того мертвым. Пребывая в крайне возбужденном состоянии, она сводит счеты с жизнью рядом с трупом любимого. Звучит вполне правдоподобно. Сойдет за бытовуху.

Остается вопрос: кто открыл дверь? Соседи слышали шум и подтвердят, что ее сначала не пускали, а потом дверь открылась.

Хотя и это не проблема. Вероятно, дверь была не заперта, а девушка, будучи на взводе, не догадалась сразу дернуть за ручку. Или возможно, она нашла свой ключ. А может. Ну да ладно, остальные версии придумает милиция. Им за это деньги платят. Теперь нужно было торопиться.

Придерживая тело прислоненным к ванне, Гарик извлек из чехла нож и, сунув его под воду, точными надрезами вскрыл вены на обеих руках девушки. Теплая вода притупила боль, так что та даже не очнулась. Как и ее друг, она умерла, не приходя в сознание, не испытывая мучений и страха. Последним, что она увидела на этом свете, было угрюмое лицо с безжалостным взглядом.

По мере того как кровь сочилась из ран, вода в ванне становилась все ярче.

Встав с края ванны, где он терпеливо ждал, когда жертва дойдет окончательно, Гарик достал из воды ее руки и поочередно вложил в каждую рукоять своего ножа, оставляя на ней отпечатки пальцев, после чего положил оружие на пол и отпустил тело. Оно как сноп рухнуло на плиточный пол. Кудрявая головка с хлюпающим глухим звуком ударилась о колено умывальника, проломив висок. Из ран на запястьях продолжала сочиться кровь.

Еще раз проверив напоследок квартиру и убедившись, что не оставил следов своего пребывания, Гарик направился к выходу. Дверь за собой запирасть он не стал, а свет оставил включенным: все должно выглядеть правдоподобно.

Быстро спустившись по лестнице, он вышел из дома, свернул за угол и сел в ожидающий его там автомобиль.

– Чего так долго возился? – поинтересовался водитель.

– Теперь все в порядке.

Однако на самом деле это было не так. Матерый убийца и уголовник, без всякой жалости и сострадания перерезавший глотку десяткам людей, убил беременную девушку. И хотя он даже не сомневался, что, окажись еще раз в подобной ситуации, поступил бы точно так же, на душе было беспокойно. Впервые Гарик почувствовал раскаяние за содеянное.

Глава 8

Мерно стучали колеса. За окном вагона в вечерних сумерках проносились станции и полустанки, мелькали темные расплывчатые силуэты деревьев. Скорый поезд с огромной скоростью мчался по рельсам, оставляя позади столицу и приближая полковника Воронина к Кузнецку. По иронии судьбы нити дела, которым ему доводилось заниматься в данный момент, тянулись в такие разные и, казалось, ни чем не связанные части страны, из-за чего массу времени приходилось проводить в салоне автомобиля или в купе поезда. Следы обнаруживались то там, то здесь. И почти всегда случайно. Но сами грабители оставались неуловимыми. Их след резко обрывался, словно они проваливались под землю. Целую неделю никто из знакомых о них ничего не слышал. Казалось, их след потерялся. Но вот он снова появился. И где?! В никому не известном городишке.

Воронин облокотился на стол и обхватил голову руками. Легкое дребезжание и покачивание поезда действовали успокаивающе и располагали к глубокому раздумью. Он решил воспользоваться выдавшейся свободной минуткой и проанализировать имеющуюся в наличии информацию.

Во-первых, следствию было известно имя одного из членов банды грабителей. Он взял в руки карандаш и на листе бумаги начертил круг. Внутри него написал слово «Сурок». Так звали первого члена группы. Сурок или Балабонов Виталий Викторович по паспорту. Семьдесят девятого года рождения, нигде не работающий. Привлекался за воровство и мошенничество. Получил условно два года. Отпечаток большого пальца его руки был обнаружен вместе с пятнами крови на пробке от бутылки пива «Невское», найденной в кустах. К сожалению, пивная пробка оказалась единственной уликой, ее удалось отыскать на месте базовой стоянки грабителей. Следы от автомобильных шин и ботинок уничтожил дождь. Потоки воды почти полностью их стерли.

По непонятной причине сведения о местопребывании Сурка заканчиваются третьим днем после ограбления. Потом о нем больше никто не слышал и никто его не видел. Он словно сквозь землю провалился. Объявленный розыск ни к чему не привел.

Во-вторых, найдена и идентифицирована одна из украденных картин. Полотно репресированного в тридцатых малоизвестного художника Сомова объявилось на одной из столичных барахолок, когда его пытались продать. Торговавший им наркоман клятвенно заверял, что картину ему оставил на хранение некий Михаил Чеботков по прозвищу Майкл. Но так как минула неделя, а Майкл не появлялся, наркоман решил, что за ней уже не вернуться. К тому же ему срочно понадобились деньги. Кроме того, как показал опрос знакомых, Сурка и Майкла в последнее время часто видели вместе.

Воронин начертил второй круг и вписал туда имя Майкл. Затем справа от каждого круга поставил вопросительный знак. Внизу начертил три квадрата, которыми обозначил пропавшие картины, и один перечеркнул.

И наконец нашлась вторая картина и третий грабитель. Объявились они в городе Кузнецке, за сотни километров от места совершенного преступления. Нашлись они благодаря жутким и трагическим обстоятельствам. Борис Коробков, известный также под прозвищем Гвоздь, был обнаружен матерью мертвым в ванне собственной квартиры. Рядом лежала его девушка – Светлана Овчинникова – с перерезанными венами. Бедная женщина так и не оправилась от потрясения и через три часа умерла в больнице от кровоизлияния в мозг. Согласно данным судмедэкспертизы, смерть Бориса Коробкова наступила в результате попадания воды в альвеолы легких. Попросту говоря, он захлебнулся. Хотя тут имелось одно странное обстоятельство: по заявлению врачей, перед тем как лезть в ванную, он выпил лошадиную дозу снотворного, смертельную для его организма. Оставалось непонятным: зачем тогда было лезть в воду? Что

касается его подруги Светланы, то и тут не все гладко. Она перерезала себе вены. Это, конечно, можно объяснить шоком от увиденного, к тому же она была на третьем месяце беременности от Коробкова. Вот и не перенесла удара. Логично. Кроме того, соседи слышали ночью шум и крики. Возможно, они ссорились. Но у экспертов вызвал подозрение странный кровоподтек на нижней челюсти девушки, как раз в месте сосредоточения нервных окончаний. Не исключено, что ее оглушили. Но кто? Зачем? Почему покончил с собой Коробков? И наконец, покончил ли он с собой сам, или ему помогли? На эти вопросы пока не было ответов. Воронин наверняка знал лишь то, что в квартире при обыске обнаружили вторую картину – портрет вождя революции в стиле соцреализма. Работа неизвестного художника.

Полковник зачеркнул второй прямоугольник и нарисовал еще один кружок. Затем вписал в него имя Гвоздь и перечеркнул крест-накрест.

Оставалась еще одна картина – репродукция с портрета шестнадцатого века и два исчезнувших бесследно подозреваемых.

На первый взгляд вроде бы все просто. Личности убийц установлены, пропавшие ценности найдены. Дело за малым – ждать результатов розыска. Рано или поздно преступники объявятся. Деваться им некуда, их фотографии с подробным описанием внешности разосланы по всем городам, по всем отделениям милиции. Только было одно «но». Розыск мог продлиться достаточно долго, а генерал Ткаченко скоро потребует результатов.

Однако внутреннее чутье, интуиция, так сказать, подсказывала, что розыск ничего не даст, что вести поиски дальше бесполезно. Скорее всего преступники мертвы. Так же, как их товарищ Гвоздь. А в том, что его убили, полковник не сомневался. Страшная и загадочная смерть Гвоздя, неожиданное исчезновение Сурка и Майкла служили косвенным подтверждением его догадок.

«Но тогда почему они мертвы? Кто приказал их убрать?» – спрашивал себя Воронин. Пока это оставалось для него загадкой. Он начертил вверху большой круг и поставил внутри него знак вопроса. Теперь схема приобрела более заверченный характер.

Откинувшись назад, полковник устало прикрыл глаза. Необходимо было выспаться. Завтра предстоял тяжелый день. Возможно, он получит ответы хоть на часть интересующих его вопросов.

Сквозь сон Воронин почувствовал, что его кто-то трясет за плечо. Он мгновенно открыл глаза. От избытка адреналина (переход от сна к бодрствованию был слишком резким) закружилась голова, а сердце в груди часто застучало, как у марафонца на финишной прямой.

– Ваша станция. – объявила проводница и исчезла за дверью купе.

Он тяжело вздохнул: вставать жутко не хотелось, но дела звали. Времени на то, чтобы помыться и побриться, не осталось. Снова придется все делать на ходу.

На перроне его встречали. Как только он вышел из поезда, подбежал молодой человек в потертых джинсах и светло-сером пиджаке, надетом на майку. Под левой рукой ткань топорщилась от кобуры.

– Алексей Петрович?

– Да.

– Лейтенант Морозов. Машина ждет за углом, – доложил он. – Разрешите?

Он протянул руку к спортивной сумке Воронина, предлагая свои услуги.

– Не нужно, – чересчур резко ответил полковник, недовольный услужливостью лейтенанта. Подхалимов он не любил. А может, у него просто было паршивое настроение, и парнишка хотел помочь от чистого сердца? Воронину стало неловко.

На служебной «Волге» они добрались до здания управления. Там, приведя себя в порядок, Воронин нанес короткий визит начальнику городского управления внутренних дел. Скорее из приличия, чем по делу. Затем занялся работой.

Следователь, ведший дело, оказался толковым мужиком, хотя с виду производил впечатление полного олуха. Капитан Гобято был пухленьким коротышкой в очках и с огромной лысиной. Он слыл редким в наше время профессионалом, от и до знающим все подноготную своей работы, но из-за нежелания и неумения пресмыкаться почти не продвинулся по служебной лестнице. Ему сужено было оставаться вечным сыщиком. Но он, похоже, не жаловался.

– Яков Карлович, что вы думаете о смертях в квартире Коробковых? Мне, как человеку постороннему, интересно знать ваше мнение, – поинтересовался Воронин.

– Господин полковник. – начал Гобято.

Но Воронин его тут же перебил:

– Только давайте без чинов и званий. Договорились?

– Если позволите. Так вот, Алексей Петрович, если вы спросите меня, убийства это или самоубийства, я вам отвечу: убийства, – заявил Гобято. – Но если вы меня спросите, есть ли доказательства тройного убийства, то я вынужден буду вас разочаровать, ответив, что никаких.

Он ожидал, что сейчас посыплется град возражений, вопросов, требуют доказательств. Но Воронин понимающе кивнул:

– Я так и думал. Только мне сообщили, что мать Коробкова умерла своей смертью в больнице.

– Это правда. А при чем тут она?

– Вы же сказали, что убийство тройное? Коробков, его девушка. А кто же тогда третий?

– Вам разве не сообщили, что Светлана Овчинникова была беременна? Если подходить с моральной точки зрения, то ребенка тоже убили. Ведь он уже жил. Возможно, я ошибаюсь, но таково мое мнение. И будь моя воля, считал бы это убийством.

Воронин вздохнул.

– Что ж, возможно, вы и правы.

Во взгляде капитана мелькнуло уважение. Столичный полковник, в отличие от его начальника, был не дурак и не сухой формалист. Похоже, он кое в чем разбирался.

– Вы со мной согласны? Вы тоже считаете, что это убийство? Но вы ведь не располагаете всей информацией.

– Подробностей я не знаю. Однако кое-какие факты, имеющиеся у меня, наталкивают на такую мысль.

– Значит, есть еще что-то, что мне не известно? – заинтересовался Гобято.

– Да, есть. Я ознакомлю вас с этими фактами попозже. А теперь мне хотелось бы, чтобы вы посвятили меня в подробности дела.

Из груди капитана вырвался тяжелый вздох. Он извлек из ящика стола толстую бумажную папку и положил перед Ворониным. Затем пододвинул пустую пепельницу.

– Курите?

– Бросаю. И сейчас воздержусь.

– Это хорошо, – снова вздохнул капитан, на этот раз с облегчением. – Не переношу сигаретного дыма, – пояснил он.

– Зачем же тогда пепельницу предлагали?

– Для приличия. Вы – гость.

«Да, – подумал Воронин, – этот человек определенно со странностями, но в сообразительности и уме ему не откажешь. Очень своеобразная личность. Давно не встречал таких.»

– Начну с квартиры, – развязывая завязки папки, произнес Гобято. – Следов взлома не обнаружено. Отпечатков пальцев посторонних и других следов тоже. Я говорю «не обнаружено», но это еще не значит, что их нет. Вы меня понимаете? – Он вопросительно взглянул на полковника.

Воронин кивнул.

– Да, понимаю.

– На трупах следов насильственной смерти не обнаружено. На теле Овчинниковой Светланы Петровны имеется кровоподтек в области подбородка. Образовался он еще при жизни, нанесен твердым тупым предметом. Вот. – капитан протянул фотографии. – Взгляните сами.

– Возможно, ее оглушили, – высказал предположение полковник, рассматривая снимки.

– Не исключено, но доказательств нет. На теле гражданина Коробкова Бориса Сидоровича также обнаружен кровоподтек в области грудной клетки. Как и в случае с его подружкой, получен он перед смертью. Других физических повреждений нет.

Взяв следующую фотографию, протянутую Гобято, Воронин принялся ее изучать.

– Что касается смертей, то обставлены они как самоубийства, – продолжал капитан. – Причины мы не знаем. Предположительно Овчинникова покончила собой в состоянии аффекта, обнаружив труп парня. Орудие самоубийства – короткий обоюдоострый нож из высокопрочной легированной стали. Ручная работа. Оружие она раздобыла в квартире Коробкова.

– Откуда такая уверенность?

– Кожаные ножны были обнаружены в шкафу. На них найдены отпечатки ее пальцев. Тут придраться не к чему. Она, в принципе, могла это сделать. Но у меня возникает вопрос: почему находящаяся на грани нервного срыва девушка лезет в шкаф за этим редким ножом, а не бросается на кухню и не хватает первый подвернувшийся под руку кухонный нож?

– Действительно странно. – вынужден был согласиться Воронин. Он взял в руки целлофановый пакет с оружием.

– Но, с другой стороны, если убийца хотел разыграть самоубийство, то почему сам не воспользовался кухонным ножом?

– Может, он запаниковал, когда позвонила Овчинникова, – предположил капитан.

– Нет, он слишком хитер и опытен, чтобы пугаться таких пустяков. Тут что-то другое. Возможно, он хочет нас сбить со следа.

– А может, и то и другое?

Полковник извлек из пакета нож. Рифленая рукоять удобно легла в ладонь. Оружие обладало прекрасным балансом – его можно было метать. Лезвие отточено как бритвенное.

– Отличное оружие, – восхищенно похвалил Воронин.

– Кустарная работа. Сделано, вероятно, на заказ и уж конечно в единственном экземпляре. Чувствуется рука мастера.

– Мастера. – задумчиво повторил полковник.

Ему в голову пришла мысль: нужно поднять архивы ФСБ, подключить специалистов, провести более скрупулезное изучение ножа. Если его сделал мастер, спецы должны определить его почерк, стиль, должны что-нибудь да найти.

– Нож я заберу с собой, – заявил он.

– Это улика, – с сомнением покачал головой Гобято.

– Я все улажу. К тому же я его верну.

– Тогда я не против.

После короткой паузы капитан продолжил:

– Что касается смерти Бориса Коробкова, то тут и вовсе гордиев узел. Умер он от попадания воды в легочные пути, но до этого отравился снотворным. Спрашивается: зачем топиться, когда и так отравился? Непонятно.

– Да уж.

– Я вижу одно разумное объяснение.

– Какое?

– Самоубийства подстроены. Но помните: это лишь предположение. Для утверждения пока мало фактов.

– Тогда каковы мотивы убийства?

– А вот этого я как раз и не знаю.

– Может, есть версии?

– Не любитель я гадать на кофейной гуще, – капитан проникательно посмотрел на Воронина. – Может быть, вы подскажете мотив?

– Я? – удивился тот. – С чего вы взяли?

– Попросту предположил. Ведь зачем-то вы сюда приехали? И уж конечно не для того, чтобы поболтать с провинциальным капитаном. Теперь ваша очередь рассказывать. Мне не терпится услышать, как связано это дело с вашим появлением. Ведь это из-за него вы здесь? Правда? Расскажите, а там мы вместе подумаем, – добродушно предложил Гобято. – Одна голова – хорошо, а две – лучше.

Воронин задумался. Простота и непосредственность капитана подкупали. Он внушал доверие. «А чем я, собственно, рискую? – решил полковник. – Умный совет никогда не мешает.»

– У меня со вчерашнего вечера не было и крошки во рту. Может, сходим перекусим? Заодно и поговорим, – предложил он.

Гобято согласился.

– У нас тут за углом неплохое кафе. Можно зайти туда, если вы не против.

– Вам виднее.

При мысли о чашке горячего кофе и порции чего-нибудь мясного аппетит разыгрался с невообразимой силой.

«Если это убийство, – размышлял Воронин по дороге, – значит, за ограблением кто-то стоит. Но кто? Кому понадобилось забираться в дачу старого генерала? А главное, с какой целью? Что интересовало грабителей?» Полковник понял, что вот-вот найдет ответ. Но мысли о завтраке мешали думать о деле.

Глава 9

Докурив пятнадцатую за утро сигарету, Егор выкинул окурочек в открытую форточку. Настроение было дрянное. Тягостное ожидание решения своей дальнейшей участи держало его в постоянном напряжении, не давая расслабиться. По мере приближения к загородной даче Лысого, где была назначена встреча, становилось все тревожнее. Чувство обреченности и безысходности усиливало ощущение злого рока, преследовавшего его в последнее время. Да и как не поверить в рок, если всего за несколько дней свалилось столько несчастий: болезнь брата, предательство любимой девушки и, наконец, угроза полного разорения! Все, что было нажито кропотливым трудом, все, к чему стремился и о чем мечтал, рушилось на глазах. Создавалось впечатление, что падаешь в бездонную пропасть, в темную бездну, из которой уже не выбраться.

Что ждет его в будущем? Этот вопрос набатом гудел в голове. Но может быть, еще не все потеряно. В глубине души он все-таки надеялся, что с Лысым удастся договориться. Доводы, которые он собирался привести, представлялись вполне убедительными и достойными внимания. В конце концов, почему бы и нет?! То, что местный преступный авторитет по прозвищу Лысый невообразимо жаден до денег, знали все. Именно из-за своей жадности он так подло с ними обошелся, нарушив договор. И именно это качество хотел теперь использовать в своих интересах Егор. «Лысый стремится извлечь максимум выгоды из этого дела, – рассуждал он. – Раз он так хочет и помешать ему у нас нет никакой возможности, пусть он ее получит. Но только не в виде гаража и грузовика, а в качестве процентов. Тридцать процентов сверх требуемой суммы должны удовлетворить его жадность.»

Подобное решение, на его взгляд, являлось приемлемым для обеих сторон. Лысый получит приличную сумму, а они не потеряют своей собственности. Тридцать процентов плюс остальной долг – цифра получалась приличная, но, по подсчетам Егора, ее вполне можно было осилить. Конечно, придется на всем экономить, работать день и ночь многие месяцы и, что самое неприятное, заложить в банке дом и гараж, но другого выхода он не видел. Это было лучше, чем начинать с нуля. Главное, рассчитаться с Лысым.

«Упаси меня бог еще когда-нибудь связываться с бандитами, – зарекся Егор. – Если б знать раньше, что так все обернется! Будет теперь наука на всю оставшуюся жизнь.»

Одолеваемый безрадостными предчувствиями, но в то же время в глубине души лелея надежду, он подъехал к высокой сетчатой ограде вокруг дачи. Узкая заасфальтированная дорога, змейкой извивавшаяся меж сосен, привела его к воротам.

Охранник, видимо предупрежденный заранее о предстоящем визите, пропустил его без лишних вопросов.

Так называемая «дача» представляла собой скорее небольшой дворец, чем скромное сооружение для проведения летнего отпуска. Причудливый гибрид средневекового зодчества и современной архитектуры, оно относилось к появившейся в последние десятилетия категории строений, которым можно было дать одно общее название – «кто во что горазд». Одним словом, архитектор поизвращался на славу в своей попытке совместить несовместимое. Несколько рядов вековых дубов только подчеркивали нелепость и безвкусию здания.

Грандиозность увиденного еще в большей степени испортила настроение Егора, в очередной раз напомнив ему о своей ничтожности. Он припарковал свои старенькие «Жигули» на стоянке по соседству с роскошными «мерседесами» и «вольво» и не торопясь выбрался из машины. Через мгновение из дома появился охранник с внешностью законченного уголовника. Торопливо спустившись по ступенькам, он двинулся в сторону стоянки. Приблизившись, он окинул Егора колючим взглядом и сухо бросил:

– Пошли.

Шувалов направился следом за ним.

Они поднялись по мраморной лестнице, вошли внутрь и очутились посреди просторного светлого холла. Поражало его великолепие и пышность, граничившие с вычурностью, но не переходившие в нее. Похоже, дизайнер разбирался в своем деле лучше, чем архитектор. Расписные потолки, бронзовые светильники с фарфоровыми плафонами ничуть не уступали тем, что украшали Таврический дворец. Не возникало даже сомнений в их подлинности. Из мебели здесь стояли только два сиреневых дивана изысканной формы и, безусловно, ручной работы. Широкая прямая лестница вела на второй этаж. В холле находилось всего две двери: двустворчатая – справа и узкая – слева.

Охранник подошел к широкой двери и приказал:

– Стой здесь.

После чего скрылся за дверью.

«Дожили, – с горечью подумал Егор, прохаживаясь вдоль стены. – К какому-то вшивому уголовнику на поклон попасть труднее, чем на прием к министру. Куда мы катимся? Все перевернулось с ног на голову. О какой справедливости можно вести речь? Каким я был глупцом, когда верил в нее!»

Нестерпимо захотелось курить, но он не решался. Кто знает, какие тут порядки! Ничего не поделаешь, придется потерпеть. Однако от осознания того, что курить нельзя, курить хотелось еще сильнее.

К счастью, ждать пришлось недолго. Через несколько минут появился все тот же охранник и сообщил:

– Александр Викторович ждет.

Егор мысленно перекрестился, собрался с духом и шагнул в дверь. В нос ударил резкий запах сигаретного дыма. В просторном кабинете находились трое. Егор физически ощутил на себе тяжесть их взглядов. Холодные, как сама космическая пустота, бесчувственные, как лики каменных истуканов, они смотрели на него. Три пары глаз взирали на него как на какое-то новое, но бесполезное и надоедливое насекомое. Его долго изучали, разглядывали, оценивали. Пауза явно затянулась.

Егор твердо выдержал испытание, не отвел взгляд в сторону, не опустил глаза. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Только капельки холодного пота, выступившие на лбу, выдавали огромное внутреннее напряжение.

Эта маленькая победа придала сил. Пусть у него нет денег, как у этих барыг, но он человек, и у него есть собственное достоинство. «Черта с два! – злорадно подумал Егор. – Шуваловых проще уничтожить физически, чем морально.»

Слегка кивнув головой в знак приветствия, он шагнул по направлению к Лысому. Его он знал хорошо. А вот двух других – худощавого брюнета с глубоким шрамом на лице и мужчину с невыразительной внешностью заурядного бухгалтера – он видел впервые. Они развалились в креслах возле камина, неторопливо потягивали коньяк и курили. Точнее, курил человек со шрамом, «бухгалтер» затушил в хрустальной пепельнице окурочек и с безучастным видом следил за происходящим. Судя по всему, они были нездешние, и потому Егора интересовали мало. Но один факт он все-таки принял к сведению – астматик Лысый не терпел табачного дыма, однако сейчас он молча переносил это неудобство, стоя у открытой форточки и периодически поднося ко рту аэрозольный флакон с лекарством. Гости или не знали о его болезни, или же им было это безразлично. В любом случае то, что местный авторитет, державший под контролем целый город, жмется к окну и боится замолвить за себя слово, заставляло призадуматься.

«Похоже, я не вовремя, – с досадой подумал Егор. – И похоже, мое дело теперь и вовсе дрянь.»

– Ну? – Лысый недовольно сдвинул брови, отчего его гладкий как куриное яйцо лоб покрылся сетью глубоких морщин. – Что у тебя за дело?

В его голосе прозвучало плохо скрываемое раздражение. Было видно, что разговор при свидетелях он вести не хочет. Но по каким-то непонятным причинам попросить Шувалова подождать за дверью или прийти в следующий раз не желает. Да и сам Егор отступить уже не мог. Хотя, если бы ему предложили, с радостью согласился бы.

Егор слегка замялся и бросил вопросительный взгляд на сидевших у камина мужчин.

Человек со шрамом заметил это и, вынув изо рта сигару, полунасмешливо, полуподбадривающе произнес:

– Да ты не стесняйся. Говори. Мы с Лысым, то есть с Шуриком давние знакомые, секретов между нами нет. Правда, Шурик? Мы ведь тебя не сильно стесняем?

Стоя вполоборота к мужчине, Лысый процедил:

– Это мой город, Шило. Я тут хозяин! – макушка лысого черепа побагровела от напряжения, уголок левого глаза нервно задергался. – Предупреждаю: свои дела я решаю сам. Помни об этом и не суйся.

В его словах слышалась явная угроза. Егор стоял не шелохнувшись, стараясь не привлекать внимания к себе. Не хватало еще очутиться в самом центре бандитской разборки! Это было бы закономерным завершением всех несчастий, свалившихся на его голову за последнее время.

– Ну что ты. Разве я суюсь в твои дела? – не меняя шутливого тона, произнес человек со шрамом. Похоже, его забавляла эта игра. – Я просто не хочу, чтобы из-за нас срывался важный разговор. К тому же, может быть, я смогу помочь тебе советом?

Теперь побагровела не только макушка, но и весь череп Лысого. Он сжал кулаки и резко обернулся, бросая на своего гостя угрожающий взгляд.

– Не гневи Бога, Шило. – зашипел он. – Не искушай судьбу. Я тебя прошу. Ты – мой гость, и мне не нужны проблемы с твоей братвой. Я уважаю столичных авторитетов, помню о прошлом и о своем долге. Но не искушай меня. – он предостерегающе покачал головой. – Не искушай. Я помог тебе уладить проблемы, не спрашивал тебя – зачем, почему? Это твое дело. Я в него не лезу. Но это. – он кивнул в сторону Шувалова. – Это моя проблема, и я решу ее сам, без тебя.

Глаза человека со шрамом сузились и стали похожими на две узкие амбразуры, зорко следящие за противником. Казалось, еще миг, и он взорвется в ответ. В воздухе нависла угрожающая тишина, словно наступило короткое затишье перед надвигающейся бурей. «Бухгалтер», сидевший рядом, подался вперед и весь напрягся, готовый в любой момент вступить за Шило.

Однако Шилов неожиданно расслабился и засмеялся.

– Ты прав, Шурик, – примирительно произнес он. – Твои дела меня не касаются. Я в них не лезу. Решай их сам. Извини. Надеюсь, ты не обижаешься на старого знакомого, который слишком сильно хотел тебе помочь?

Не дожидаясь ответа, он откинулся на спинку кресла, сунул сигару в зубы и глубоко затянулся. Его внешний вид выражал полнейшее спокойствие и довольство жизнью. В его поведении не осталось ни намек на недавний конфликт, который мог привести к кровавым последствиям и закончиться весьма плачевно.

Лысый раздраженно фыркнул. В отличие от своего недавнего противника, он все еще не мог перебороть себя и скрыть эмоции. Было видно, каких огромных усилий стоит ему сдерживать свой гнев. Оставалось только гадать о тех причинах, по которым он не позвал своих людей и не приказал пустить человека со шрамом на корм рыбам. Зная характер и способности Лысого, можно было с уверенностью предположить, что причины были веские.

Лысый вынул из кармана баллончик с лекарством и несколько раз брызнул в рот. На Шувалова он даже не взглянул, словно того здесь и не было.

Егору же, утратившему всякую надежду на благополучный исход своего дела, ничего не оставалось как молча ждать дальнейшего развития событий.

Через несколько минут его наконец заметили.

– И долго мне еще на твою рожу смотреть? – бросил Лысый. – Ты что, язык проглотил? Говори, что нужно?!

Это прозвучало не слишком приветливо, однако в данной ситуации рассчитывать на вежливость не приходилось.

– Мне кажется, вы сами знаете, зачем я пришел, – с расстановкой произнес Егор.

Лысый недовольно засопел.

– Допустим.

– Я пришел уладить недоразумение.

– Да? И какое?..

Лицо авторитета выражало простодушное удивление, словно он не имел ни малейшего понятия, о чем идет разговор. Правда, игра ему давалась с трудом: сказывались последствия инцидента.

– Если вы забыли, то я вам напомню. – нарочито спокойно и вежливо произнес Егор. – Некоторое время назад вы ссудили нас с братом деньгами. Мы с вами договорились что вернем их к началу сентября, – он вопросительно взглянул на авторитета. – Вы помните?

Лысый нехотя кивнул.

– Да, что-то припоминаю. Но какие тут проблемы?

– А вот какие. – Егору эта игра начала действовать на нервы. – На днях ко мне в гараж явились ваши люди и потребовали немедленно отдать долг. Они угрожали, что в противном случае вы отсудите у меня грузовик и гараж. Я им, естественно, не поверил и сказал, что тут какое-то недоразумение и Александр Викторович на такую подлость не способен. Это верно?

– Насчет сроков что-то я запамятовал и про начало сентября не помню – это во-первых. Во-вторых, в последнее время у меня очень стесненные денежные обстоятельства. Инфляция и все прочее, понимаешь. Несу убытки. У меня теперь каждая копейка на счету. Я – деловой человек и не могу рисковать своим бизнесом. Пойми меня правильно – ничего личного, – заверил Лысый. – Мне только нужны все мои деньги, срочно. А те ребята погорячились, наболтали лишнего. Молодые еще, горячие.

Егор попытался возразить:

– У меня все деньги вложены в дело. Раньше сентября я не смогу раздобыть такую сумму.

– Так ты хочешь сказать, что не сможешь вернуть мне долг? – огорчился Лысый.

– Необходимо время.

– Ай-яй-яй. – печально покачал головой авторитет. – Разорит меня моя доброта. Делаешь людям добро, даешь им деньги, а они тебя выручить не хотят. Разоришь ты меня, Жорик, в конце разоришь. Что же нам с тобой делать? – задумался он. – Единственный выход, что мне сейчас на ум приходит, – это продать твой грузовик и гараж. Да. Это единственный выход.

Егор был готов к такому обороту дела. Ничего другого он и не ожидал. Поэтому слова авторитета воспринял спокойно.

– Их не продашь за несколько дней, а, как я понял, деньги нужны вам срочно.

– В том-то и беда. – вздохнул Лысый. – Ну, чтобы тебя выручить, я могу взять их в счет долга, а потом попытаться продать. – он задумался. – Хотя не знаю. Я в этом совсем не разбираюсь.

– Они ведь стоят в несколько раз больше! – не выдержав, возмутился Егор.

– Возможно, – вынужден был согласиться Лысый. – Но найди мне за день покупателя, который даст за них полную сумму. Пожалуйста, ищи! Может быть, тебе и повезет, в чем лично я не уверен. Деньги делают не дураки. Кто станет покупать вещь сейчас, если через час ее можно будет купить за полцены?

«Сукин сын! – подумал Егор. – Ловко все рассчитал. Все предусмотрел.» Но вслух он произнес:

– Александр Викторович, это же несправедливо! Как же мне без машины? Она моя жизнь, мой хлеб. Я же – дальнобойщик!

Краем глаза он заметил, что человек со шрамом, до этого вполуха слушавший разговор, бросил на него заинтересованный взгляд. Что-то в его словах заставило бандита призадуматься. Однако Егору сейчас было не до подобных пустяков, и он не придавал этому значения.

– А что я могу поделывать? – пожал плечами Лысый. В нем было столько сочувствия, сколько бывает у кота, забавляющегося мышью.

Тогда Егор осторожно предложил:

– У меня есть одно предложение, которое может вас заинтересовать.

– Да?

– Что если вам подождать до начала следующего месяца. – начал он.

Лицо авторитета разочарованно вытянулось. Егор продолжил:

– Если вы повремените с долгом, то я смогу выплатить комиссионные. Тридцать процентов в долларах, и никаких хлопот и проблем с продажей грузовика и недвижимости. Вы ничего не теряете.

– Хм. – Лысый задумался.

Механически поглаживая гладкий затылок, он просчитывал все плюсы и минусы нового предложения.

Наблюдая за авторитетом, Шувалов все больше и больше склонялся к мнению, что тот согласится. То ли оттого, что желаемое выдавал за действительное, то ли потому, что не сомневался: раз это не очень выгодно ему, то выгодно кому-то другому. Егор готов был уже ликовать.

Каково же было его изумление, когда Лысый, покончив с расчетами, заявил:

– Нет, мне нужны деньги сейчас. До сентября я ждать не могу.

Внутри все оборвалось. Егор судорожно сглотнул. Лицо его побледнело, ноги сделались ватными, словно из-под них выбили опору. Упавшим голосом он переспросил:

– Что?

– Я ждать не буду.

«Это все. конец. Что мне теперь делать?» – в голове мелькали бессвязные обрывки мыслей. Сосредоточиться на чем-то одном он не мог. В мозгу пульсировало: «Конец. конец.»

Медленно, под тяжестью обрушившегося на его плечи груза, он развернулся и, ничего не говоря, поплелся к двери. Здесь ему больше нечего было делать.

– Покупаю твой грузовик! – раздался за спиной резкий голос.

Егор остановился. «Мне померещилось? – с тревогой подумал он. – Неужели начались галлюцинации? Я же не пил!»

– Я беру его прямо сейчас, – снова прозвучал голос.

Шувалов обернулся.

Человек со шрамом стремительно поднялся с кресла и приблизился к нему. Переложив сигару в левую руку, правую он протянул для рукопожатия и произнес:

– Моему слову можно верить. Станислав Шилов его всегда держит, – презрительно изогнув губы, он бросил язвительный взгляд на онемевшего от неожиданности местного авторитета. – Я дам тебе ровно столько, сколько нужно, чтобы рассчитаться с долгом. А затем посмотрим. – произнес он многозначительно. – В любом случае ты ничего не теряешь. По рукам?

– По рукам. – произнес Егор и пожал протянутую руку, скрепляя новый договор.

Он перестал что-либо понимать. Смысл происходящего до него не доходил. Действие разворачивалось словно в каком-то тумане. Однако интуиция подсказывала: не задавай вопросов, не спорь, делай, что говорят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.